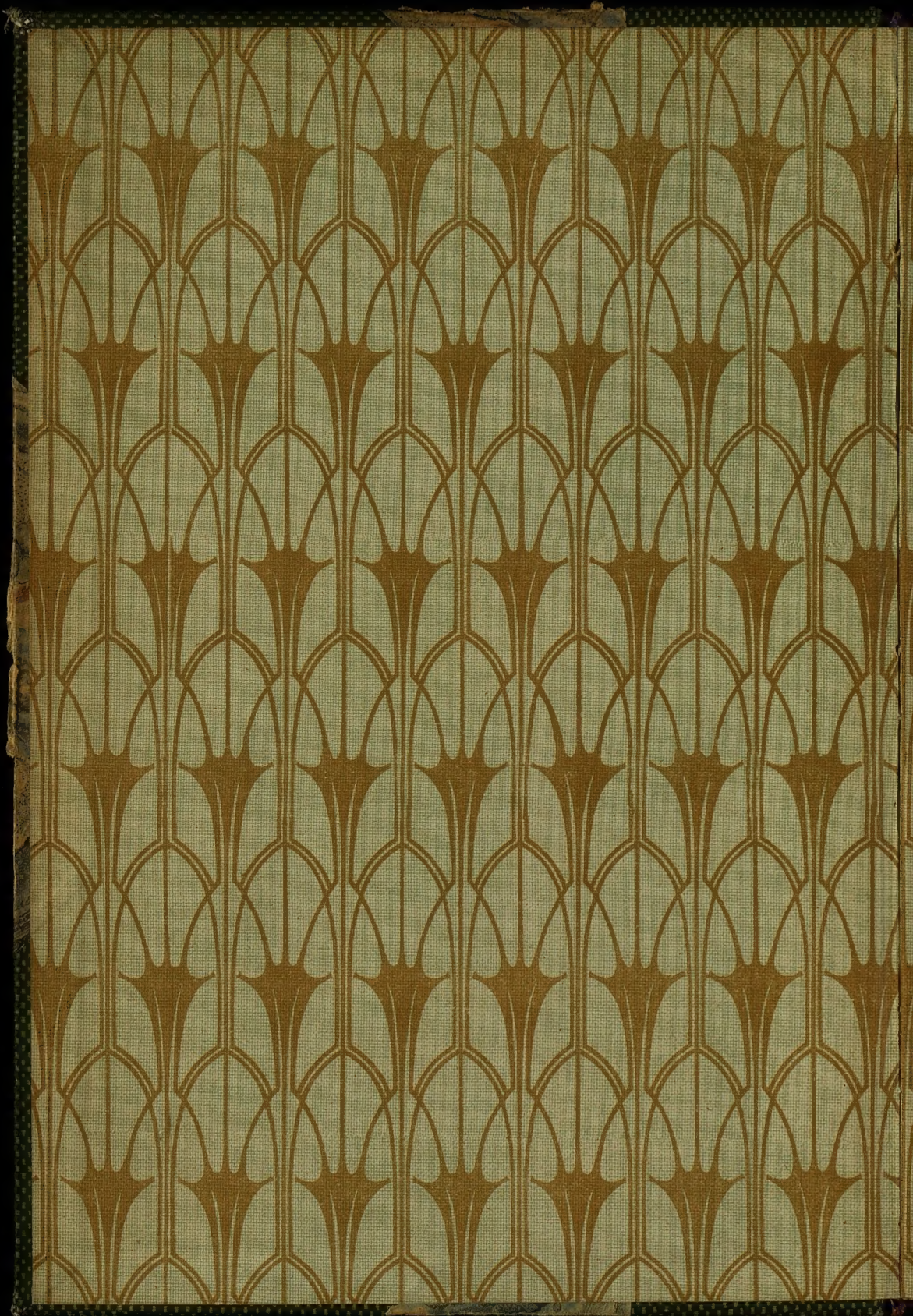

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА

ГЖ 461
4765

Jochistjakoff, P. I.,
Reden eines Offiziers.

ГЖ 461

4765

П. С. ЧИСТЯКОВЪ.

✕

РѢЧИ ОКТЯБРИСТА

1905—1907 гг.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ.

Заенигородская ул., № 11.

1907.

П

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

1984

ГДЖ461р
4765

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (6)

826
27

60530у

Нѣсколько словъ къ читателямъ.

До января 1904 года большинство изъ насъ было далеко отъ всякой политики. Мы жили интересами своей работы, службы, частной жизни, изрѣдка брали наши русскіе порядки, но въ общемъ страна была погружена въ сонливый застой.

Позоръ неудачной войны заставилъ, наконецъ, всѣхъ встрепенуться, началось движеніе, перешедшее вскорѣ въ открытое недовольство и смуту.

Страна почувствовала, что дальше такъ жить нельзя.

Явилась неудержимая потребность принять участіе въ государственной жизни, высказать свои мысли, желанія и требованія.

И вотъ мы видимъ, что появляются политическія партіи, устраиваются собранія, ведется агитація, и на арену общественной дѣятельности начинаютъ выступать люди, которые до 1904 года совершенно не соприкасались съ политикой. Къ ихъ рѣчамъ и мнѣніямъ не слѣдуетъ подходить съ строгою научною критикою. Это не завзятые политиканы и не люди ученые.

Это диллетанты, но отъ обыкновенныхъ диллетантовъ они отличаются тѣмъ, что политика затянула ихъ въ свой кругъ не ради одного препровожденія времени, а въ силу той опасности, какая грозила странѣ въ послѣдніе три года.

Эти люди были искренни, они говорили, какъ умѣли, но отъ всего своего сердца, въ полномъ убѣжденіи, что рѣчи ихъ служатъ общему благу.

Поэтому, для характеристики только что пережитаго времени, представляется интересъ возстановить кое-что изъ сказаннаго: въ немъ вы найдете искренній отзвукъ русской мысли на совершившіяся событія.

Заранѣе извиняюсь передъ читателями за напечатанныя въ этой книжкѣ мои рѣчи: не ищите въ нихъ ни ораторскаго искусства, ни политической учености.

Я говорилъ, какъ думалъ, какъ чувствовалъ. Одно могу сказать, что мои слова находили поддержку въ аудиторіи и слѣдовательно соотвѣтствовали не только моему настроенію, но и убѣжденію многихъ моихъ слушателей.

П. С. Чистяковъ.

С.-Петербургъ.
Юль 1907 г.

Декабрь 1905 года.

Рѣчь, сказанная на первомъ общемъ собраніи
Союза 17 Октября въ С.-Петербургѣ.

Всѣ вы слѣдите за совершающимися событіями и
всѣ вы знаете къ чему мы, наконецъ, пришли.

Политическая революція, въ сущности, кончилась:
требованіе конституціи и основныхъ свободъ, на-
конецъ, услышано и признано справедливымъ. Прави-
тельство отступило,—мы его почти не видимъ.

Осталась только тѣнь прежней власти, да и та
бездѣйствуетъ.

Но развѣ всѣмъ намъ отъ этого легче?

Развѣ мы не видимъ, что изъ одного гнета мы
попали въ другой, худшій гнетъ—гнетъ анархіи.

Гроза все дѣлается ближе, легко можетъ насту-
пить моментъ, когда все обратится въ одинъ хаосъ,
въ которомъ и бюрократовъ, и небюрократовъ по-
гонять въ отставку не только безъ пенсій, но и съ
лишеніемъ всѣхъ правъ, не исключая жизни.

Въ такомъ положеніи страну нельзя оставлять.
Надо искать выхода. Надо защищать право гражданъ
и государства на существованіе. Но какъ это сдѣлать?
Силъ права всегда предшествуетъ право силы. Если
не будетъ силы, не будетъ и права. Надо, во что бы
то ни стало, создать ту силу, которая воскресила бы
власть, не старую власть полицейско-бюрократическую,

а власть новую, могучую, способную охранять Россію и защищать всѣхъ гражданъ отъ всякаго насилія и произвола, съ чьей бы стороны онъ не исходилъ.

Сила же создается только единеніемъ.

А единеніе возможно лишь на почвѣ реальныхъ, дѣйствительныхъ интересовъ, а не на основѣ тѣхъ или другихъ спорныхъ политическихъ теорій.

Вотъ почему я нахожу, что для желаемого единенія должна быть установлена совершенно простая, ясная для всѣхъ и вполнѣ реальная программа.

Не время и не дѣло спорить теперь о прямой или двухстепенной системѣ выборовъ.

Не время и не дѣло предлагать теперь автономіи инородцамъ.

На этой платформѣ народную массу не объединишь. Не въ этихъ вопросахъ горе русскаго народа, не они утоляютъ его голодъ.

Въ политикѣ народъ идетъ больше по инстинкту.

Историческій вѣковой инстинктъ русскаго народа требуетъ Царя, и Онъ долженъ быть.

Тотъ же инстинктъ говоритъ ему, что безъ народнаго представительства жить не можно и оно должно быть.

Этими двумя положеніями: Царь и свободное народное представительство — вся политическая часть платформы въ сущности и исчерпывается, ибо детали политическихъ реформъ будемъ разсматривать не мы, а народные представители, и, какъ имъ разумъ, совѣсть и любовь къ родинѣ подскажутъ, такъ они и рѣшатъ.

Нечего намъ бояться, что они сдѣлаютъ не то, что нужно. Гласность, отвѣтственность передъ страпою и исторіей, послужатъ имъ гораздо лучшимъ коррективомъ, чѣмъ всѣ наши избирательныя деталь-

ныя программы. Наша же забота выбрать лучших добросовѣстныхъ людей, которые не только способны къ выборной агитаци, но и дѣйствительно могутъ послужить своей родинѣ.

Но краткая политическая программа — это только формула, отдѣляющая насъ отъ сторонниковъ анархїи, она не является еще тѣмъ дѣйствительнымъ цементомъ, который могъ бы сплотить воедино всю нашу готовящуюся разсыпаться хранину.

Теперь борьба идетъ уже не съ правительствомъ только: начался походъ экономическій, началась самая тяжелая изъ всѣхъ революцій—революція социальная. И чтобы объединиться въ такое время, надо найти и поставить на первый планъ очень твердыя реальныя условія. Только на такой, а не на чисто политической платформѣ, можетъ произойти объединеніе огромной силы, которое создастъ ту власть, какая необходима для всѣхъ необходима.

Всѣхъ не объединишь и объ этомъ заботиться не стоитъ. Но надо объединить такую группу, которая по силѣ и значенію имѣла бы рѣшающій перевѣсъ надъ всѣми остальными группами, вмѣстѣ взятыми.

Этой силой является русское крестьянство и городское населеніе въ той его части, въ которой оно не подчинилось еще сполна красному флагу.

И надъ крестьянами, и надъ горожанами анархїя оперируетъ уже давно. Но все-таки есть твердая надежда, что, если не откладывать дѣла, не прятать голову, какъ страусъ, если быть честнѣе и рѣшительнѣе, то можно еще войти въ прочный союзъ съ этой массою, — вѣдь они глубоко понимаютъ, что кровь и грабежъ не есть основаніе для благополучія,

и имъ насилія противны, и они волнуются потому, что протестуютъ противъ обиды и насилія.

Такъ надо же честно и прямо пойти имъ навстрѣчу: всякій съ ними миръ лучше доброй ссоры. Надо поступиться многимъ и во имя справедливости, и во имя самосохраненія. Необходима ясная экономическая программа; надо немедленно, не выжидая созыва Государственной Думы, приступить къ ея осуществленію.

Всѣ мы, и горожане, и землевладѣльцы, обязаны примириться съ неизбѣжнымъ, и каждый долженъ дать то, что онъ долженъ дать.

Горожане должны принести городу и государству свои доходы: они обязаны подчиниться прогрессивному налогу, хотя бы онъ былъ суровъ. Часть этого сбора пойдетъ на общія государственныя потребности, а другая часть должна идти на удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ. Городское управленіе должно быть избираемо пропорціонально всѣмъ населеніемъ, а не одними богатыми классами.

Первой заботой этого управленія должна быть бѣдная часть населенія; для нея города должны строить дома, больницы, школы, пріюты, однимъ словомъ, устраивать все то, что можетъ смягчить и облегчить тяжелое положеніе бѣднѣйшихъ классовъ населенія.

Программа городского хозяйства столь обширна, что всего не перечислить, но важенъ принципъ: прогрессивное обложеніе богатыхъ классовъ, забота о нуждахъ бѣдныхъ и распоряженіе собранными средствами черезъ представителей отъ всѣхъ классовъ населенія города.

Гораздо важнѣе и серьезнѣе вопросъ о крестьянахъ. Съ нихъ надо начать и начать, не откладывая.

Аграрную реформу необходимо вести съ возможной поспѣшностью: пусть народъ видитъ, что его не обѣщаніями только успокаиваютъ, а, дѣйствительно, даютъ, что можно.

Немедленно же слѣдуетъ образовать въ каждомъ уѣздѣ собранія изъ крестьянъ, землевладѣльцевъ и представителей правительства для пріема въ мѣстный земельный фондъ всѣхъ находящихся въ распоряженіи казны земель и для отвода изъ нихъ участковъ малоземельнымъ крестьянамъ.

Всѣ эти работы должны вестись съ такою быстротой, чтобы къ веснѣ большая часть земель могла бы быть уже передана крестьянамъ въ фактическое пользование за соотвѣтствующій выкупной платежъ.

Аграрная реформа, конечно, этимъ не исчерпывается, но быстрая передача свободныхъ земель крестьянамъ несомнѣнно ихъ успокоитъ и послужитъ началомъ образованія того крѣпкаго класса мелкихъ собственниковъ - землевладѣльцевъ, который вездѣ является основой и защитой государственности и незыблемымъ оплотомъ противъ анархіи.

Земля—это народное желаніе, и за тѣмъ правительствомъ, которое поставитъ угловымъ камнемъ своей задачи землю, съ слѣпою преданностью пойдутъ все русское крестьянство.

А силу эту не только революціонные политики, но даже голодъ, вѣковое невѣжество, безпросвѣтная нищета—и тѣ не могли сломить.

Январь 1906 года.

Рѣчь, сказанная въ Собраніи членовъ Союза 17 Октября по Московской части г. С.-Петербурга.

Избирательная борьба началась. Повсюду организуются партіи, бюро, комитеты, рассылаются воззванія, программы, пригласительные листки. Конечная цѣль этой борьбы, для тѣхъ, кто болѣе всего занимается выборной агитаціей, это пройти въ выборщики, а затѣмъ, если удастся, и въ члены Государственной Думы.

Противъ политическаго честолюбія трудно что-либо возражать. Плохой тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ.

Но и въ государственномъ дѣлѣ карьеру надо предоставить только политическимъ солдатамъ, а не политическимъ болтунамъ.

Если агитирующій дѣйствительно имѣетъ убѣжденія и совѣсть, если онъ дѣйствительно гражданинъ, искренно любящій свою родину, сознающій свой долгъ передъ нею и готовый отдать всѣ свои силы на общую пользу, то ему и книги въ руки,—пусть идетъ и пользуется поддержкою избирателей. Но бессмысленно отдавать свой голосъ за такого агитатора, который занимается политикой только ради честолюбія, только для того, чтобы получить выдающееся общественное положеніе, а до остального ему

дѣла нѣтъ. Съ такими выборщиками, а тѣмъ болѣе членами Государственной Думы, толку будетъ мало. Во всякой странѣ, гдѣ конституціонное устройство уже наладилось, не столь большая бѣда, если составъ палаты будетъ не вполне удачный, недостатки тотчасъ же обнаружатся и ихъ не трудно исправить распущеніемъ палаты и новыми выборами. Но у насъ дѣло другое.

Государство переживаетъ кризисъ; всѣ ждутъ собранія представителей народа, какъ единственнаго источника успокоенія и порядка. Какое горькое будетъ разочарованіе, если составъ Думы будетъ неудачный, если вмѣсто людей убѣжденных, съ достоинствомъ и вдумчиво водворяющихъ въ странѣ спокойствіе и дѣйствительную свободу, мы встрѣтимъ тамъ только борьбу партій за власть, только шатаніе мысли и убѣжденій, только честолюбивое пустомельство.

Задача Думы болѣе чѣмъ тяжелая: на первыхъ же порахъ ей придется установить свои отношенія къ правительству и получить въ глазахъ всей страны, а въ томъ числѣ и правительства, тотъ твердый авторитетъ, который не мыслимъ безъ глубокаго внутренняго достоинства нашего перваго народнаго собранія.

Вотъ почему крайне нежелательны въ немъ всякія истерическія выходки, съ которыми мы знакомы по практикѣ Австріи, всякіе острые конфликты на почвѣ мелкаго партійнаго самолюбія, всякія попытки придать Думѣ революціонный характеръ.

Дума не митингъ. То, что годится, чтобы разбудить спавшихъ, внушить имъ стремленіе къ прогрессу, то вовсе не уместно въ законодательномъ собраніи, ибо оно должно состоять изъ людей убѣж-

денныхъ и освѣдомленныхъ, для которыхъ существуетъ только одна цѣль — благо страны, а не возбужденіе нервовъ.

Поэтому, каждый избиратель, если онъ желаетъ принести своей родинѣ пользу, а не вредъ, долженъ очень осторожно отнестись къ подачѣ своего голоса.

Подумайте: за кого слѣдуетъ дать голосъ. Вѣдь это не такъ трудно. Вамъ будутъ присылать списки кандидатовъ со всѣхъ сторонъ. Кандидаты эти изъ той же округи, гдѣ вы живете. Многихъ вы лично знаете, а о другихъ можно навести справки. Помните, что только за того стоитъ подавать голосъ, про котораго вы можете по совѣсти сказать: да, это истинный гражданинъ, онъ не запятналъ себя ни въ какомъ дурномъ дѣлѣ, онъ человѣкъ не увлекающійся одними словами, онъ знаетъ, что нужно родинѣ въ данное время, онъ можетъ работать, онъ можетъ постоять за свои убѣжденія и никогда не допустить, чтобы изъ государственнаго дѣла устраивали одну пустую болтовню.

Вѣдь не программы вамъ предстоитъ избирать, а людей. Такъ ищите же людей и не увлекайтесь одними бумажными обѣщаніями.

Февраль 1906 года.

Рѣчь, сказанная въ Москвѣ на первомъ делегатскомъ Сѣздѣ Союза 17 Октября.

Прошло всего три мѣсяца съ небольшимъ съ 17 октября, а кажется, что пережиты цѣлые годы.

Слишкомъ много видѣли мы всякаго горя за этотъ короткій промежутокъ времени.

Та радость, съ какою встрѣтило большинство манифестъ, — уже ушла.

Все печальнѣе и печальнѣе становится дѣйствительность.

Вяло, безъ всякаго оживленія, идутъ приготовленія къ выборамъ, да и какая избирательная борьба можетъ быть тамъ, гдѣ льется кровь и не прекращается смута.

А время не ждетъ, къ выборамъ готовиться надо.

Подъ вліяніемъ совершающихся событій повсюду замѣтно увеличивается недовольство.

Лѣвыя партіи опять начинаютъ усиливаться и пріобрѣтаютъ многихъ убѣжденныхъ приверженцевъ.

Больше мужества, господа!

Нельзя себя распускать, нельзя измѣнять убѣжденія подъ вліяніемъ невзгоды. Надо смотрѣть впередъ и идти опредѣленной дорогою.

Если же сворачивать то вправо, то влево — толку не будетъ: время потеряешь и заблудишься.

Теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимо внимательно всмотрѣться въ общественныя теченія и примкнуть къ тому изъ нихъ, которое дѣйствительно соотвѣтствуетъ интересамъ родины.

Было время, когда партіи и программы нарождались у насъ, какъ грибы. Но время увлеченія программами уже прошло. Теперь всякій понимаетъ, что дѣло не въ программахъ. На эту удочку могутъ попадаться только новички. Не реклама важна, а то, что дѣйствительно кроется за рекламой.

А въ дѣйствительности значеніе для страны той или другой партіи зависитъ оттого, какой общественный элементъ составляетъ ея ядро, какой складъ у этихъ людей, какъ относятся они къ родинѣ и чего они отъ нея хотятъ.

А. И. Гучковъ въ первомъ засѣданіи Съѣзда говорилъ намъ, почему онъ разошелся съ своими прежними товарищами по борьбѣ за освободительное движеніе.

Онъ сказалъ, что его оттолкнуло ихъ доктринерство. Ему казалось, что нельзя не считаться со стариной. Нельзя отбрасывать все цѣликомъ. Монархія въ обновленной формѣ, по убѣжденію А. И., могла и должна была остаться. И вотъ разладъ на почвѣ монархическаго принципа былъ причиною раскола и вызвалъ къ жизни нашъ Союзъ.

Мнѣ думается, что А. И. Гучковъ, не желая кидать упрека своимъ бывшимъ товарищамъ, не все намъ сказалъ.

А между тѣмъ, знать всю правду очень важно, ибо мы видимъ, что теперь эти доктринеры-товарищи, считаясь съ народнымъ воззрѣніемъ, вовсе не настаиваютъ на республикѣ. Напротивъ, они и въ про-

граммахъ, и въ собраніяхъ объявляютъ себя сторонниками наслѣдственной конституціонной монархіи.

Почему-же, однако, между нами и ими мира нѣтъ? Быть можетъ потому, что они не искренни, не даромъ социалисты ихъ обличаютъ въ измѣнѣ убѣжденіямъ, ради выгодъ избирательной кампаніи.

Нѣтъ, этого недостаточно. Если бы разладъ строился только на вопросѣ о монархіи, онъ долженъ былъ бы считаться исчерпаннымъ—худой миръ лучше доброй ссоры. Въ томъ-то и дѣло, что тутъ есть что-то другое.

А что это другое, я постараюсь разъяснить указаніемъ лишь одного простого факта.

Товарищи занимались доктринерствомъ, критиковали Русь вдоль и поперекъ, а А. И. Гучковъ поступилъ иначе. Раздалась военная гроза и онъ, какъ истый русскій гражданинъ, понялъ, что теперь не время перебранки.

По его убѣжденію, насталъ моментъ помочь родинѣ, чѣмъ можешь, и онъ отправился въ Манчжурію служить раненымъ и больнымъ, оставивъ всѣ политическія распри.

Такъ поступили, къ сожалѣнію, не многіе изъ тѣхъ товарищей, о которыхъ говорилъ А. И. Я знаю только одного изъ нихъ, моего стараго друга по школѣ, М. А. Стаховича. Вотъ въ этомъ-то простомъ фактѣ и проявился весь разладъ.

Друзья познаются въ бѣдѣ, а мы за время войны хорошо познали этихъ друзей свободы.

Я не берусь ихъ винить, но бывшее нельзя сдѣлать не бывшимъ.

Люди эти давно уже вступили въ борьбу съ правительствомъ, они не мало въ ней пострадали, они

всецѣло ушли въ эту борьбу и она сдѣлалась главнымъ мотивомъ ихъ дѣйствій. И нѣтъ ничего, чѣмъ бы вожаки этого движенія не были готовы поступиться, лишь бы имѣть лишній шансъ на успѣхъ.

Гучковъ и Стаховичъ были въ Манчжуріи, а мы были здѣсь и видѣли, какъ въ Россіи многіе, весьма просвѣщенные люди, радовались нашимъ военнымъ неудачамъ, нашему разгрому.

Отлично, говорили они, еще одинъ ударъ этому ненавистному врагу, этому гнилому режиму.

Родина вздрагивала подъ ударами, гибли десятки тысячъ русскихъ людей, пропадала наша старая слава, а они были рады.

Пусть гибнетъ все, лишь бы посрамленъ былъ ихъ старый исконный врагъ, съ которымъ они боролись такъ давно и будутъ бороться до конца своихъ дней.

Не слишкомъ-ли это узко?

Ни въ частной жизни, ни въ государственной нельзя ничего пріобрѣтать цѣною позора.

Никакая страна не можетъ двигаться впередъ, быть счастливою и сильною, если граждане, забывъ родину, будутъ бороться только за власть.

Благо и могущество Англіи, Германіи, Соединенныхъ Штатовъ развѣ не основано всецѣло на глубокомъ патріотизмѣ ихъ народовъ?

Небывалыя побѣды японцевъ надъ нами не зависятъ-ли, главнымъ образомъ, отъ того, что японцы проявили въ этой войнѣ именно то, чего намъ, какъ государству, не хватало: истинную любовь къ родинѣ, готовность всѣхъ пожертвовать всѣмъ ради ея успѣха и славы.

А развѣ можно и родину любить и радоваться ея всемірному позору.

Борьба съ старымъ режимомъ обратила этихъ людей въ фанатиковъ и трудно Россіи отъ нихъ чего-либо ожидать.

Скажите же по совѣсти, можемъ-ли мы итти съ ними вмѣстѣ, можемъ-ли мы считать ихъ гражданами, готовыми отдать всѣ свои силы, душу свою положить за родину.

Но этимъ дѣло не кончилось.

Когда, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, правительство выступило съ обѣщаніемъ реформъ, борьба этихъ людей за власть приняла еще болѣе ожесточенный характеръ. Всѣ средства оказались хороши, хотя бы средства эти нарушали силу государства.

Понадобилось привлечь на свою сторону некоренное населеніе Россіи, ну что-жъ, пусть начинается скрытый дѣлежъ нашей родины.

Пускается въ ходъ усиленная пропаганда національнаго самоопредѣленія всѣхъ племенъ, населяющихъ Россію, разжигается среди нихъ идея націонализма и результаты этого націонализма мы теперь видимъ на Кавказѣ, въ Финляндіи и Прибалтійскомъ краѣ. Говорили о свободѣ, а проповѣдали націонализмъ, забывая исторію, забывая, что націонализмъ есть синонимъ господства, вражды и насилія, а не свободы. Не націонализмъ намъ нуженъ, а государственность, стремленіе всѣхъ къ единенію въ государствѣ, свобода и равенство гражданъ, а не мѣстныхъ соперничества. Развитіе борющихся націоналистическихъ стремленій всегда вызывало въ государствѣ только слабость и вражду. Посмотрите, къ чему пришла Австрія, именно благодаря усиленію націонализма у племенъ, входящихъ въ ея составъ. Каждое

изъ нихъ желаетъ господства, не уважаетъ интересовъ другого племени, готово прибѣгнуть къ насилію и всякой неправдѣ, а въ результатѣ, когда-то сильная страна потеряла свое міровое значеніе, готова распасться и еле держится только авторитетомъ своего престарѣлаго императора.

Да зачѣмъ ходить къ чужимъ: вспомнимъ, къ чему привела Россію политика узкаго націонализма, такъ называемая руссификація, стремившаяся не къ укрѣпленію внутренней связи государства на основѣ равенства всѣхъ гражданъ, не къ дѣйствительному укрѣпленію за государственнымъ языкомъ того значенія, какое онъ долженъ имѣть въ правительственной и общественно-государственной дѣятельности, а къ ненужному насилію надъ племенами окраинъ, къ безцѣльной задачѣ вырвать у людей то, что у нихъ всосалось съ молокомъ матери.

Въ результатѣ вражда, недовѣріе, злоба и противъ правительства, и противъ государства, желающаго объединенія не на почвѣ культуры, а насиліемъ. Узкій націонализмъ, откуда бы онъ не исходилъ, всегда сулитъ гибель. Если Германія сильна и могуча, то потому, что въ ней первое мѣсто занимаютъ не интересы отдѣльных ея частей и племенъ, а *Deutschland über Alles*.

То же въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ.

А къ чему приводитъ государственная слабость, это мы видимъ на примѣрѣ Турціи, Персіи и Китая. Не дай намъ Богъ дожить до такого позора!

Итакъ, направленіе этой партіи опредѣлилось вполне. Партія слишкомъ умна, чтобы выйти на борьбу съ правительствомъ открытой силой. Она знаетъ, что плетью обуха не перешибешь. Но она дѣлаетъ свое

дѣло упорно и надѣется, захвативъ власть, добиться своего.

Пусть государство будетъ подорвано, пусть наслѣдіе, собранное нашими предками, вступить на путь распада, не бѣда, лишь бы борьба окончилась успѣхомъ: Не даромъ подъ знамена этой партіи такъ охотно стекается все озлобленное.

Не даромъ съ такимъ торжествомъ говорилось на дняхъ въ Петербургѣ о присоединеніи къ этой партіи 20 милліоновъ мусульманъ, не говоря уже о ранѣе присоединившихся къ ней разныхъ иноплемennыхъ народностяхъ.

Русскій народъ не жди себѣ пощады. Ты хочешь, чтобы всѣ племена и народы въ Россіи были равны, чтобы всѣ были одинаковыми гражданами, но ты забылъ, что съ тобою никто не хочетъ равняться. Если ты не съумѣешь самъ за себя постоять, ты останешься тѣмъ-же темнымъ забитымъ бѣднякомъ, той-же рабочей силой, тѣмъ-же пушечнымъ мясомъ, которымъ распоряжались, какъ хотѣли, чиновники, а теперь, при твоей-же помощи, готовятся распоряжаться друзья инородческихъ самоопредѣленій. Доктринерство вещь мало практическая, но азбучныя истины не слѣдуетъ забывать. Азбука-же учить, что, въ современномъ строѣ жизни, государство есть первый и необходимый союзъ. Безъ этого союза не можетъ быть ни права, ни свободы, ибо некому будетъ ихъ охранять. Поэтому, ослабляя силу и значеніе этого союза, мы роемъ яму подъ собою.

Основное начало правильного государственнаго строя только и можетъ заключаться въ томъ, что каждый гражданинъ въ правѣ требовать отъ государства полной охраны своихъ правъ и интересовъ и,

.. въ свою очередь государство можетъ требовать отъ гражданина предоставленія себя и своихъ интересовъ въ полное распоряженіе государства постолько, поскольку это необходимо для выполненія государствомъ своего назначенія.

Не можетъ гражданинъ требовать отъ государства того, что нарушаетъ его силу, не можетъ государство требовать отъ гражданина того, что для государственныхъ цѣлей не нужно. Короче говоря: все для гражданъ и все для государства. Тамъ, гдѣ было это равновѣсіе, тамъ государства жили могуче и процвѣтали. Тамъ, гдѣ равновѣсіе нарушалось, тамъ начиналась гибель страны и народа.

Недаромъ древніе Римляне говорили: государственное благо—это высшій законъ „*salus publica suprema lex est*“.

И пока этотъ принципъ былъ живъ, не было сильнѣе страны, чѣмъ Римъ, не было болѣе гордаго и почетнаго отклика: я—Римскій гражданинъ „*civis Romanus sum*“.

Нарушился принципъ и отъ Римской имперіи остался одинъ прахъ. То-же послужило главной причиною гибели Польши, гдѣ своеволіе шляхты нарушило государственную основу, по той-же причинѣ погибла французская монархія, да всего и не перечтешь.

А тамъ, гдѣ онъ живетъ, тамъ сила и успѣхъ, и насъ побила Японія именно тѣмъ удивительнымъ равновѣсіемъ въ отношеніяхъ своихъ гражданъ къ государству. У насъ же этого равновѣсія не было и мы покатались по наклонной плоскости.

Страну обратили въ вотчину, государство заботилось больше всего о выколачиваніи доходовъ, а сред-

ства народныя тратились на кормленіе служилаго люда и на разныя прихоти, а не на народную нужду. Народъ отощаль, ему стало тяжело, а тутъ еще сосѣди побили, ропотъ поднялся. Стали требовать равновѣсія, стали требовать, чтобы государство занималось не однимъ утѣсненіемъ, но и охраною правъ гражданъ, стали требовать, чтобы средства народныя кидались не на вѣтеръ, а шли на пользу страны, а для того, чтобы требованія были исполнены правильно, стали требовать, чтобы все дѣло было поставлено подъ наблюденіе народныхъ представителей.

Вотъ эта-то задача возстановленія государственнаго равновѣсія между правами и обязанностями гражданъ и есть тотъ краеугольный камень, на которомъ, по мнѣнію моему, построенъ нашъ Союзъ. Постолько онъ жизненъ и народенъ, по сколько онъ исполнить свою задачу. А задача эта въ томъ, чтобы, охраняя права гражданъ, сохранить и укрѣпить основу этихъ правъ—государство. Поэтому Союзъ не можетъ итти рука объ руку съ лѣвыми партіями, ибо тогда мы попадемъ изъ огня въ полымя.

Раньше государственное равновѣсіе нарушалъ эгоизмъ бюрократіи, а теперь хотятъ нарушать его сторонники эгоистическихъ стремленій отдѣльных классовъ и племенъ.

Граждане, стойте же твердо за силу, свободу и будущее Вашей родины!

Мартъ 1906 года.

Рѣчь, сказанная въ собраніи избирателей по
Московской части г. С.-Петербурга.

Прежде чѣмъ перейти къ краткому докладу о
Московскомъ Съѣздѣ, позвольте сказать нѣсколько
словъ по поводу настоящаго Собранія.

Сюда приглашены не сторонники той или другой
партіи, а избиратели Московской части; люди, на ко-
торыхъ закономъ возложена тяжелая, но и почетная
обязанность найти и избрать выборщиковъ въ Госу-
дарственную Думу.

Стало бытъ цѣль нашего Собранія заключается не
только въ томъ, чтобы поспорить о преимуществѣ
тѣхъ или другихъ программъ, нѣтъ у насъ есть цѣль
болѣе важная, болѣе насущная. Вамъ надо осмотрѣться,
Вамъ надо ознакомиться другъ съ другомъ. Бытъ
можетъ, многіе изъ Васъ долгіе годы жили на одной
улицѣ, даже въ одномъ домѣ, но Вы другъ друга
не знали.

Политической, общественной жизни у насъ не
было. Каждый прятался въ своей норѣ, вращаясь въ
незначительномъ кругу своихъ знакомыхъ.

А теперь настали другія времена.

Вамъ надо знать другъ друга, Вамъ надо твердо
и ясно сказать: да, этому человѣку мы вѣримъ, да,
мы дадимъ за него свой голосъ.

Россія изстрадалась; ей нужны лучше люди, ей надо помочь, какъ-бы это не было трудно.

Такъ позвольте-же Васъ привѣтствовать, какъ избирателей, приступившихъ къ исполненію своего отвѣтственнаго и труднаго долга, и Богъ да будетъ Вамъ въ помощь.

Да, найти людей нужно, но кто-же эти люди, какія требованія мы должны къ нимъ предъявлять, чего должны мы отъ нихъ ожидать?

Отвѣтъ на этотъ коренной вопросъ надо искать въ нашемъ прошломъ. Недостатки этого прошлаго довели страну до такого позора, какого она никогда не испытывала, до такой смуты, какой, не дай Богъ, повториться.

Только тѣ люди, которые сознають эти недостатки, которые желаютъ съ ними бороться и могутъ вести страну по пути культуры и прогресса, только эти люди заслуживаютъ Вашего довѣрія и достойны Вашего избранія.

Освободительное движеніе началось у насъ уже давно.

Для многихъ было ясно, что страна катится внизъ по наклонной плоскости.

Внѣшняго блеска было много, было и показное богатство и иллюзія политическаго и военнаго могущества, но за этой декораціей скрывалось постепенное умираніе и упадокъ когда-то великаго народа.

Страна обнищала, голодовки стали нормальнымъ явленіемъ, невѣжество массъ было полное и, къ стыду нашему, даже поощрялось. Народному образованію удѣлялись гроши и страна лишена была того единственнаго и могучаго средства, съ которымъ только и можно вести борьбу въ жизни,—знанія.

А наряду съ этимъ на плечи обнищавшаго народа былъ взваленъ колоссальный государственный бюджетъ, который шелъ больше на содержаніе служилаго класса, на политическія прихоти, не давая народу ничего.

Всякая попытка протеста противъ такихъ приемовъ управленія считалась преступной. Свободная мысль, свободное слово преслѣдовались. Всѣмъ было указано: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ и въ государственное дѣло не вмѣшивайся, за тебя начальство думаетъ; а начальство думало плохо, лѣнливо, а, иногда, и своекорыстно.

Всѣмъ указано было толочься только въ своемъ углу, думать только о своемъ кускѣ хлѣба, платить налоги и повинности и молчать.

И мы молчали. Но вотъ грянула Японская война, ужасная, позорная.

Страна вздрогнула. Да что-же это?

Мы все терпѣли, мы отдавали все, что у насъ требовали, мы обнищали, изстрадались, и оказывается, что все это ни къ чему.

Послѣднее, что у насъ было, нашу старую боевую славу и ту втоптали въ грязь, честь нашу отняли и довели великій народъ до такого униженія, какого онъ никогда не испытывалъ.

Все могъ перенести многострадальный русскій народъ, но государственнаго позора онъ не выдержалъ. Теперь для всѣхъ стало ясно, что такъ жить нельзя.

Страхъ пропалъ, нашлись русскіе люди, ясно видѣвшіе ту пропасть, куда мы валимся, и они смѣло, не считаясь ни съ какими давленіями, начали требовать, чтобы въ приемахъ управленія страной были

сдѣланы самимъ правительствомъ перемѣны, не выжидая, пока народное негодованіе перейдетъ въ народную смуту.

Уже въ ноябрѣ 1904 года въ Петербургѣ собрался съѣздъ городскихъ и земскихъ дѣятелей, чтобы обсудить положеніе страны.

Въ то время устраивать подобные съѣзды вовсе было не такъ безопасно и легко, какъ теперь вспоминать о нихъ.

Душой этого съѣзда былъ Д. Н. Шиповъ, нынѣ предсѣдатель центрального бюро Союза 17 октября въ Москвѣ.

Имя Д. Н. Шипова и его товарищей по ноябрьскому съѣзду въ исторіи Россіи не забудется.

Съѣздъ этотъ установилъ рядъ требованій, выражающихъ наиболѣе необходимыя реформы, и насколько эти требованія были жизненны, мы видимъ изъ того, что теперь все то, что требовалъ Съѣздъ, дано уже намъ Верховной властью.

Къ мнѣнію Съѣзда прислушивалась вся Россія. Всѣ понимали, что это не кучка людей, собравшихся только ради борьбы съ правительствомъ. Нѣтъ, всѣмъ было ясно, что это люди закона и порядка, люди опытные, люди отлично знавшіе свою родину и ея нужды, люди искренно ей преданные и готовые все отдать за ея счастье и благополучіе.

Насколько сильно было вліяніе постановленій Съѣзда видно изъ того, что вслѣдъ за этимъ постановленіемъ изъ городовъ, земствъ, сословій, отдѣльныхъ профессій, словомъ, отовсюду посыпались резолюціи, подкрѣплявшія постановленія Съѣзда.

Поднялась огромная волна освободительнаго движенія, волна столь грозная, могучая, столь неотрази-

мая по своей правдѣ, что она смыла и унесла всѣ препятствія къ реформамъ. Волна эта развивалась все шире и выше, но главное мѣсто въ ней, центръ ея, всетаки составляли земскіе съѣзды, повторявшіеся періодически, ибо нельзя было съ ними не считаться, въ нихъ всѣ видѣли мнѣніе наиболѣе опытныхъ въ политическомъ отношеніи людей.

Составъ этихъ съѣздовъ началъ, однако, постепенно мѣняться.

Наряду съ прежними дѣятелями къ съездамъ прикнули и новыя лица, въ той или другой мѣрѣ, пользовавшіяся извѣстностью на политическомъ поприщѣ.

Дальнѣйшіе съѣзды продолжали разработку реформъ и подъ вліяніемъ этой работы, а главное, вслѣдствіе измѣнивагося состава съѣздовъ, въ нихъ стали обнаруживаться два различныхъ теченія.

Одно, по преимуществу теоретическое, находившее, что изъ стараго порядка все должно быть отброшено, все должно быть замѣнено новымъ, по послѣднему слову науки. А другое, менѣе отвлеченное, находившее, что тысячелѣтнюю исторію народа забывать нельзя, что она, а ни что другое, создала Россію, что многое, исторически сложившееся въ ней, составляетъ народное убѣжденіе, что такимъ народнымъ убѣжденіемъ, народной вѣрой является понятіе о Царской власти, что монархія, просвѣтленная и обновленная народнымъ представительствомъ, должна и можетъ остаться, должна и можетъ сослужить великую службу народу.

Вотъ этотъ-то разладъ на почвѣ монархическаго принципа и былъ первой и ближайшей причиной раскола на земскихъ съездахъ второй половины 1905 г., вызвавшего выдѣленіе изъ съезда группы дѣятелей:

Шипова, Гучкова, Стаховича и нѣкоторыхъ другихъ, которые предпочли уйти и образовать отдѣльную партію—Союзъ 17 октября.

Главный принципъ этого Союза: Царь и народное представительство.

Союзъ отвергаетъ всякія посягательства на замѣну Царской власти иной формою правленія, союзъ будетъ отстаивать до послѣднихъ силъ права народного представительства.

Но не одинъ вопросъ о монархіи выдѣлилъ союзъ 17 октября въ особую группу.

Теоретическое направленіе пошло въ разрѣзъ не только съ этимъ принципомъ, но и въ разрѣзъ съ другимъ, не менѣе основнымъ положеніемъ—государствомъ.

Желая дать каждому живущему въ Россіи племени и народу по возможности все, чтобы они только не хотѣли въ смыслѣ государственнаго устройства, теоретическое направленіе слишкомъ мало считалось съ тѣмъ, какъ подобныя желанія отразятся на цѣломъ, на положеніи всей страны.

Велики должны быть права гражданъ, но еще болѣе велики ихъ обязанности.

А объ обязанностяхъ забыли, да и вспомнить не хотѣли.

Примѣръ Финляндіи, гдѣ русскій гражданинъ является паріемъ и иностранцемъ, ихъ не убѣждалъ.

Примѣръ Австріи, гдѣ сильная страна пришла къ государственному ничтожеству и разладу, ихъ также не трогалъ.

Имъ нравилось, что представители разныхъ окраинныхъ племенъ приходятъ, заявляютъ свои желанія, благодарятъ за сочувствіе и обѣщанія и они успо-

коивались тѣмъ, что будто-бы развитіе націонализма можетъ укрѣпить взаимныя отношенія народовъ и упрочить силу страны.

Союзъ-же 17 октября смотрѣлъ на это дѣло иначе.

Союзъ понималъ, что когда государство разбито внѣшнимъ врагомъ, когда въ государствѣ смута, когда государство ослабѣло, все то, что въ немъ не сплочено, что держалось только силою, все это подниметь голосъ и, пользуясь моментомъ, будетъ предъявлять требованія; совершенно безразлично къ тому, ослабить или укрѣпить государство удовлетвореніе этихъ требованій.

Не дѣломъ считалъ Союзъ, содѣйствовать ослабленію государства.

Нельзя жить внѣ времени и пространства. Нельзя закрывать глаза на современныя политическія условія.

Мы видимъ, что до всеобщаго мира еще очень далеко.

На западѣ остался у насъ не разрѣшеннымъ историческій нашъ вопросъ — вопросъ славянской. На востокѣ тучи все дѣлаются грознѣе. Японцевъ мы уже на себѣ испытали, но за ними просыпается и Китай; къ новой встрѣчѣ съ Азіей надо готовиться, а силу ея мы уже знаемъ, ибо достаточно испытали монгольское иго.

Такъ время ли теперь заниматься идилліями. Быть можетъ и будетъ когда нибудь, что Европа превратится въ одну дружественную федерацію, но пока это мечты, а дѣйствительность говоритъ совершенно другое.

Теперь болѣе чѣмъ когда нибудь нужно государство сильное, сплоченное, способное при первой же опасности стать на свою защиту, какъ одинъ человѣкъ.

Азбуку нельзя забывать; политическая-же азбука говоритъ, что, при современныхъ условіяхъ, государство есть первый и необходимый союзъ. Право и свобода хороши, но безъ сильнаго государства это пустой звукъ, ибо некому будетъ Ваши права и свободы охранять. Защита всѣми силами правъ гражданъ и укрѣпленіе основы этихъ правъ — государства, — вотъ главная задача нашего Союза.

Поэтому Союзъ не можетъ итти съ реакціонными партіями, ибо онѣ нарушаютъ интересы государства и народа, отстаивая эгоистическія стремленія бюрократіи. Не можетъ Союзъ итти и съ лѣвыми партіями, ибо онѣ выдвигаютъ на первый планъ не государственныя нужды, а классовыя и племенные вождѣленія.

Не нужно намъ, ни литовскихъ, ни латышскихъ, ни еврейскихъ, ни иныхъ наименованій людей, для насъ они всѣ граждане и только званіе гражданина Россійскаго государства намъ цѣнно, дорого и понятно.

Для насъ нѣтъ сомнѣній въ томъ, кого избирать въ выборщики, кого вести въ Государственную Думу.

Мы не ищемъ геніевъ — геніи родятся вѣками. Мы не ищемъ специалистовъ, искусныхъ въ писаніи законовъ, — такихъ специалистовъ Дума найдетъ въ канцеляріяхъ сколько угодно.

Намъ нужны люди, которые могли бы обсуждать законы и государственныя мѣропріятія, которые могли бы правильно сказать: да, это справедливо, это полезно для страны и народа,

А для такой дѣятельности нужны три качества: здравый смыслъ, неподкупная честность и преданность до самозабвенія своей родинѣ.

Не оскудѣла еще Русская земля.

Такіе люди среди Васъ найдутся.

Даже въ тяжелую японскую войну были у насъ истинные граждане.

Сотни тысячъ русскихъ людей шли безтрепетно на вѣрную смерть, въ защиту того, что для нѣкоторыхъ, весьма просвѣщенныхъ людей, было ничтожнымъ и непонятнымъ и что намъ всѣмъ такъ близко и дорого: въ защиту народной, государственной чести.

То, что я Вамъ сказалъ, не мои только личные мысли.

Нѣтъ, это откликъ всего того, что выяснилось на нашемъ Московскомъ Съѣздѣ, это наше общее убѣжденіе.

Поэтому, мнѣ придется немного къ сказанному добавить.

Съ октября 1905 года мы переживали тяжелое время.

Освободительное движеніе перешло въ открытую смуту.

Сочувствовать ей мы не могли, ибо нельзя сочувствовать насилию, крови, убійствамъ и разоренію страны.

Сочувствовать ей мы не могли, ибо мы видѣли въ этой смутѣ опасность для дарованныхъ манифестомъ 17 октября свободъ.

По опыту нашей исторіи мы знали, что революціонное насилие создаетъ не свободу, а реакцію.

Бомба 1881 года отняла у насъ подписанную уже конституцію и отодвинула насъ назадъ къ реакціонному режиму.

Какъ бы правительство не ослабло, открытому насилию оно уступить не можетъ, и отрицательный результатъ этой борьбы былъ для насъ очевиденъ.

Смута вызывала реакцію и реакція проявилась во всей своей силѣ. Мы не могли спокойно къ ней относиться; мы видѣли, что о манифестѣ 17 октября начинаютъ забывать и мы должны были высказаться.

Вотъ для чего мы собрались въ Москвѣ.

Сюда съѣхались депутаты со всѣхъ концовъ Россіи изъ 118 отдѣленій Союза.

Два съ половиною дня мы обсуждали всесторонне положеніе дѣлъ въ странѣ и вотъ какую мы вынесли единогласную резолюцію.

„Съѣздъ делегатовъ Союза 17 октября, обсудивъ въ засѣданіи 9 февраля докладъ по вопросу объ отношеніи союза къ текущей дѣятельности правительственныхъ учреждений, отвѣтственныхъ за исполненіе манифеста 17 октября, нашель, что совѣтъ министровъ, на который Высочайшей волею возложено объединеніе и направленіе всей правительственной дѣятельности, проявляетъ крайнюю медленность въ осуществленіи благой и мудрой воли Его Величества. Онъ не проводитъ въ жизнь началъ, положенныхъ въ основу манифеста 17 октября; онъ неизмѣнно старается дать этимъ началамъ наиболѣе узкое и несоотвѣтствующее ихъ сущности примѣненіе. Исключительные случаи требуютъ, конечно, исключительныхъ мѣръ; на революціонныя насилія, на вооруженныя возстанія правительство обязано отвѣчать энергичнымъ подавленіемъ; оно можетъ даже ввести на срокъ военное положеніе. Но нельзя не осудить тѣ случаи, когда правительственными лицами, съ вѣдома совѣта министровъ, допускались произвольныя дѣйствія, напрасная жестокость въ примѣненіи чрезвычайныхъ карательныхъ мѣръ. Такое направленіе дѣятельности совѣта министровъ увеличиваетъ въ

странѣ недовольство и тѣмъ грозитъ Россіи и ея Государю возможностью новыхъ опасностей. Скорѣйшій созывъ Думы является единственнымъ надежнымъ средствомъ вернуть государственной власти ея пошатнувшійся авторитетъ и самымъ вѣроятнымъ путемъ къ успокоенію страны. Поэтому, общее собраніе делегатовъ „Союза 17 Октября“ признаетъ, что неотложная государственная необходимость требуетъ: 1) ускорить всѣми мѣрами выборы въ Государственную Думу; 2) опредѣлить точный и близкій срокъ ея созыва не позднѣе 25 апрѣла сего года; 3) издать безотлагательно временныя правила, обезпечивающія установленныя манифестомъ 17 октября свободы и ограждающія отъ злоупотребленія въ пользованіи ими, отмѣнивъ одновременно Положенія объ усиленной и чрезвычайной охранахъ, какъ мѣру неправосудную, возбуждающую въ странѣ общее недовольство и не достигающую цѣли; 4) введеніе военного положенія можетъ быть вызвано только вооруженнымъ возстаніемъ или приготовленіемъ къ нему и должно быть отмѣнено, какъ только минуетъ крайняя въ немъ необходимость. Не слѣдуетъ злоупотреблять этимъ жестокимъ правомъ, а еще менѣе злоупотреблять его примѣненіемъ тамъ, гдѣ оно по необходимости введено. Во всякомъ случаѣ примѣненіе смертной казни безъ судебного приговора въ какихъ бы то ни было случаяхъ должно быть немедленно прекращено“.

Мы объявили свое credo.

При всякихъ обстоятельствахъ мы хотимъ и будемъ той законной оппозиціей, которая всякой неправдѣ будетъ ясно и твердо говорить: ты дурно дѣлаешь, такъ не надо, ты нарушаешь волю Монарха, ты нарушаешь права народа.

И думается намъ, что такое направленіе Союза единственно вѣрное и необходимое. Безъ правды жить нельзя, правду надо говорить, ибо только тогда Россія двинется по пути культуры и прогресса, когда въ ней больше будетъ правды, чѣмъ всякой лжи и обмана, откуда бы они не шли.

Октябрь 1906 года.

Рѣчь, сказанная въ Собраніи Нѣмецкой группы
Союза 17 Октября.

Въ своемъ дѣлѣ трудно быть судьей. А всего труднѣе разобраться въ политическихъ направленіяхъ и убѣжденіяхъ.

Каждая политическая партія считаетъ себя лучшей. Кто не съ нею, тотъ противъ нея, тотъ либо чловѣкъ непонимающій, либо недостойный.

Вотъ почему крайне полезно и важно для провѣрки своихъ политическихъ взглядовъ столкнуться съ такою группою лицъ, мнѣніе которой и компетентно, и безпристрастно.

Этимъ безпристрастнымъ судьей въ настоящемъ случаѣ я считаю нѣмецкую партію г. Петербурга.

Партія, по численности своей, никогда не претендовала и не претендуетъ на руководящее господствующее положеніе.

Партія состоитъ изъ такихъ элементовъ, которые исторически, въ теченіи многихъ вѣковъ, всегда обнаруживали однѣ и тѣ же національныя качества: лояльность и вѣрность тому государству, въ которомъ они родились и живутъ.

Партія была совершенно свободна въ выборѣ того или другого политическаго направленія и, конечно, избрала только такое направленіе, которое наиболѣе

соотвѣтствовало культурнымъ и національнымъ особенностямъ германскаго племени, создавшимъ ему славу и уваженіе среди всего образованнаго міра.

И если нѣмецкая партія примкнула къ Союзу 17 октября и остается въ этомъ Союзѣ, то это доказываетъ, что программа Союза и его направленіе дѣйствительно соотвѣтствуютъ требованіямъ человѣческой культуры, дѣйствительно удовлетворяютъ современнымъ потребностямъ страны.

Мы всегда считали нашимъ девизомъ уваженіе къ праву и закону, вѣрность государству.

Этотъ девизъ освѣщаетъ намъ путь и указываетъ тѣ границы, въ которыхъ должны итти и реформы, и политическая борьба.

Этотъ девизъ былъ одинаково понятенъ и дорогъ какъ намъ, такъ и нѣмецкой партіи.

Если тамъ далеко, на западѣ, германскій народъ *fest steht und treu* на защитѣ своей родины, то и здѣсь съ неменьшей твердостью и вѣрностью мы вмѣстѣ съ Вами сумѣемъ отстоять и нашу страну, и нашъ народъ отъ той тучи насилія и смуты, которые окутали наше отечество.

Безъ колебаній мы будемъ вмѣстѣ итти къ намѣченной цѣли, пусть будетъ путь тяжелъ, пусть будутъ наудачи—правда и справедливость въ концѣ концовъ восторжествуютъ.

Отъ души привѣтствую наше единеніе. Желаю, чтобы дороги наши и въ будущемъ не расходились. Въ единеніи сила, а такихъ союзниковъ, какъ Вы, мы цѣнимъ и уважаемъ.

Ноябрь 1906 года.

Рѣчь, сказанная въ общемъ собраніи Союза
17-го октября въ С.-Петербургѣ.

Тяжелый годъ переживаемъ мы. Убійства и грабежи не прекращаются, революціонная смута далеко не улеглась, нѣтъ даже той бодрящей надежды, какая была въ началѣ года, передъ созывомъ первой Государственной Думы.

Тогда страна надѣялась, что Дума внесетъ миръ и успокоеніе, дастъ необходимыя реформы и направить народъ къ новой, лучшей жизни.

Но дѣйствительность показала другое.

Созывъ Думы только усилилъ смуту. Дума не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ, ее распустили и вотъ потянулись долгіе мѣсяцы безпросвѣтныхъ сумерковъ, тяжелыхъ, давящихъ.

Что будетъ дальше, знаетъ только одинъ Богъ, но сердце чуетъ, что еще много тяжелыхъ испытаній намъ предстоитъ пережить.

Страна слишкомъ измучилась и если разгаръ злобы и страстей невыносимъ, то не менѣе опасенъ и упадокъ силъ: равнодушіе ко всему есть признакъ глубокаго разстройства организма.

Обо всемъ этомъ надо подумать.

Вѣдь рѣчь идетъ не объ отвлеченныхъ вопросахъ, мало касающихся обыкновеннаго обывателя.

Революціонная волна, выродившаяся изъ движенія идейнаго въ открытое грабительство, касается всѣхъ и грозитъ существованію cadaго.

Однѣми мѣрами строгости съ русской смуто справиться нельзя: слишкомъ много причинъ и источниковъ ее питаютъ и пока главныя причины не будутъ устранены, — никакими полевыми судами смуту не искоренить.

Такими главными причинами являются: 1) отсутствіе живой государственной дѣятельности, направленной къ усовершенствованію законовъ и управленія страню; 2) упадокъ многихъ отраслей народнаго хозяйства, создающій безработицу и питающій кадры революціи новыми приверженцами.

Первая причина можетъ быть устранена только при удачномъ составѣ новой Думы, а отъ успѣха или неуспѣха Думы зависитъ и вопросъ о подъемѣ общаго благосостоянія страны.

Поэтому всѣ мы вмѣстѣ и каждый изъ насъ въ отдѣльности должны приложить всѣ усилія къ тому, чтобы новыя выборы въ Государственную Думу оказались удачными.

Необходимо добиться такого состава Думы, при которомъ она стояла бы на высотѣ своей задачи и сумѣла бы дать странѣ всѣ тѣ преобразованія, какія необходимы для дальнѣйшаго развитія государства.

Спрашивается: какія же требованія слѣдуетъ предъявлять къ новымъ избранникамъ народа, кого изъ нихъ надо поддерживать.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ намъ можетъ дать только нашъ политическій опытъ.

Теперь мы идемъ уже не первый разъ въ дѣло. Мы знаемъ кого намъ дали первые выборы, мы знаемъ,

какъ эти избранники дѣйствовали и для насъ ясна причина безплодности ихъ стараній.

Вдумываясь въ пережитое, мы совершенно твердо можемъ установить недостатки первыхъ выборовъ и наша задача заключается въ томъ, чтобы не повторять и не допускать прежнихъ ошибокъ.

Невольно въ глаза бросается такой фактъ: почему въ другихъ странахъ, напимѣръ, въ Финляндіи или даже въ Персіи, достаточно было Верховной власти дать свое согласіе на конституціонное устройство, чтобы тотчасъ же народъ успокоился, повсюду вселилась радость и началась самая дѣятельная законодательная работа.

У насъ же вышло наоборотъ. То, что далъ Россіи манифестъ 17-го октября, гораздо значительнѣе и больше, чѣмъ финляндскія или персидскія реформы, а между тѣмъ на этотъ призывъ революція отвѣтила полной разнузданностью печати и слова, враждебными демонстраціями, бунтами, погромами, вооруженными возстаніями, взрывами, убійствами и грабежами. Въ чемъ же тутъ дѣло? Почему такая рѣзкая разница? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: революція въ Россіи никогда не исходила изъ любви къ родинѣ. Не заботы о благѣ, могуществѣ и силѣ русскаго государства двигали революціоннымъ движеніемъ.

Въ Финляндіи, въ Персіи это движеніе было національнымъ, патріотичнымъ. А потому въ этихъ странахъ, какъ только народъ получилъ ту опору, какую онъ желалъ для дальнѣйшаго своего развитія, такъ страна немедленно же успокоилась и принялась за дружную, созидательную работу.

У насъ же для главарей революціи, разжигавшихъ революціонную смуту,—честь, достоинство, слава и

благополучіе Россіи, какъ единого государства, были пустыми словами. Мсть и вражда къ государственной власти, разгромъ государства, вотъ ихъ истинные лозунги и ихъ дѣйствительная цѣль. Имъ нужны были развалины Россіи, чтобы на этихъ развалинахъ осуществлять свои мечты.

Если такъ думаютъ и поступаютъ инородческіе революціонные элементы, то это объяснить не трудно: для нихъ Россія, или точнѣе русское правительство, были мачехою, избавиться отъ ея опеки, стать самостоятельными, всегда было ихъ желаніемъ. Поэтому, когда война ослабила Россію, то эти элементы не могли не воспользоваться благопріятными для нихъ условіями. Манифестъ 17 октября, конечно, удовлетворить ихъ не могъ, ибо. въ интересы ихъ вовсе не входило успокоеніе и усиленіе русскаго государства, наоборотъ, только дальнѣйшая смута могла дать надежду на осуществленіе ихъ національных надеждъ.

Но что сказать о русскихъ вожакахъ революціи?

Чѣмъ они могутъ объяснить свою противогосударственную работу, свой походъ на русскій народъ? Только неизмѣримое чувство злобы къ властямъ, только политическій фанатизмъ, ставящій осуществленіе заимствованныхъ политическихъ мнѣній выше родины, выше ея страданій, позора и жертвъ, только это одно и можетъ объяснить намъ ихъ поступки.

А между тѣмъ обстоятельства сложились такъ, что къ голосу революціонеровъ при первыхъ выборахъ въ Думу народъ охотно и внимательно прислушивался.

Подавленный позоромъ неудачной войны, озлобленный своею нищетою и внутренними не порядками народъ искалъ виновнаго и вѣрилъ тѣмъ, кто обвинялъ во всемъ правительство.

Смѣлыя и мѣткія нападки на власть, картины разнообразныхъ реформъ и будущаго благополучія, все это производило сильное впечатлѣніе на страну и ей казалось, что эти люди, такъ энергично выступающіе со своей проповѣдью борьбы за свободу, дѣйствительно тѣ самые люди, какіе нужны для обновленія Россіи. Они сумѣютъ устроить новый, лучшій порядокъ, они добудутъ народу права, ихъ и надо выбирать. Предъ выборами въ первую Думу мнѣ часто приходилось говорить съ сторонниками лѣвыхъ партій. Въ обычной жизни это были самые скромные, тихіе люди. Меня интересовало, почему они выбрали лѣвыя партіи и я всегда получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: мы знаемъ, что обѣщанія лѣвыхъ во многомъ неосуществимы, но зато они энергичны, они намъ добудутъ настоящую конституцію. Одно только мнѣ никогда не объясняли: какимъ же способомъ, при помощи какой силы, эта настоящая конституція будетъ добыта.

Для избирателей способъ добыванія обѣщанныхъ реформъ былъ не вполне ясенъ, для избираемыхъ же сомнѣній въ этомъ отношеніи не было и скоро они показали и объявили всему міру какъ и куда они идутъ.

На выборахъ въ Думу лѣвыя партіи одержали блестящую побѣду. А въ скоромъ времени этотъ успѣхъ усилился присоединеніемъ къ лѣвымъ большинства тѣхъ членовъ Думы, которые при выборахъ считались безпартійными.

Въ Думѣ, въ сущности, не было ни партіи центра, ни правой, такъ какъ тѣ немногіе голоса, которые не присоединились къ лѣвымъ, оказались слишкомъ малочисленными, чтобы имѣть вліяніе на направленіе и настроеніе Думы.

Въ мою задачу вовсе не входитъ подробный разборъ дѣйствій Думы. Я ограничусь только тѣмъ, что постараюсь на основаніи отчетовъ Думы показать, въ какомъ направленіи велась эта дѣятельность и къ чему она стремилась, ибо вся неудача первой Думы объясняется именно ея настроеніемъ и направленіемъ, а не какими-либо другими причинами.

Нельзя осуждать Думу за рѣчи и поступки отдѣльных ораторовъ. Въ такомъ большомъ собраніи могли быть всякіе ораторы, корректные и некорректные, но если рядъ ораторовъ отъ разныхъ группъ выражаетъ одно и то же мнѣніе, если мнѣніе это не встрѣчаетъ возраженій, то можно и должно притти къ выводу, что такое мнѣніе было убѣжденіемъ большинства Думы и можетъ служить для ея характеристики.

Вы помните, сколько теплоты, сколько искренняго доброжелательства къ представителямъ народа услышали они въ привѣтственномъ словѣ Государя Императора.

Верховная власть всѣмъ сердцемъ шла навстрѣчу народнымъ представителямъ и ждала отъ нихъ такого же отношенія и къ родинѣ, и къ Себѣ.

Казалось, ледъ долженъ былъ растаять, должна была начаться весна новой, прекрасной жизни, ибо что же могло противустоять такимъ двумъ силамъ, какъ Верховная власть и Государственная Дума, дѣйствующимъ въ одномъ направленіи, согласно и соединенно.

Да, все это могло бы быть при другомъ составѣ Думы. Но вчерашніе властители митинговъ не превратились въ самоотверженныхъ гражданъ, исполненныхъ государственнаго смысла. Они остались тѣмъ,

чѣмъ они были. Призывъ Царя не нашелъ отклика въ ихъ душѣ. Они были и остались людьми враждебными. Борьба съ Верховной властью, стремленіе заставить ее выполнить свои требованія, хотя бы цѣною революціи, вотъ то направленіе, вотъ та цѣль, къ которой большинство Думы стало стремиться съ первыхъ же ея засѣданій.

Одинъ изъ видныхъ представителей партіи народной свободы членъ Думы Шершеневичъ въ засѣданіи 30 апрѣля 1906 г. прямо и откровенно разъяснилъ: „Вѣдь не надо же обманывать себя, что въ настоящую минуту мы и правительство составляемъ двѣ, скажемъ прямо, враждующихъ стороны“. „Мы конфликта не боимся, но пусть этотъ конфликтъ произойдетъ тогда, когда мы съ увѣренностью можемъ сказать, что съ нами безусловно весь народъ“. „Вотъ когда мы поставимъ аграрный вопросъ, вопросъ о свободахъ, тогда мы можемъ быть увѣрены, что съ нами народъ“.

А какъ понимали представители партіи народной свободы это содѣйствіе народа, можно видѣть изъ первой же рѣчи въ Государственной Думѣ депутата Родичева. Говоря объ амнистіи, онъ заявилъ: „я хотѣлъ бы, чтобы оно (желаніе амнистіи) не стало выраженіемъ требованія русскаго народа. Пока еще есть время высказать желаніе амнистіи, выскажемте его въ формѣ желанія. Быть можетъ, черезъ нѣсколько дней будетъ поздно и оно будетъ выражено въ формѣ требованія“. Еще яснѣе говорили трудовики: депутатъ Аладьинъ въ засѣданіи 29 апрѣля 1906 года прямо заявилъ: „за нами страна—и городъ, и деревня стоятъ за нами. Наши братья въ тюрьмахъ, въ ссылкѣ, на каторгѣ, могутъ быть увѣрены, что мы сами возъ-

мемъ ихъ оттуда, а если нѣтъ..... Я обращаюсь къ тому, кто можетъ, — съ простыми ясными словами: пощадите нашу родину, возьмите дѣло въ свои руки и не заставляйте взять его въ свои собственные“.

Итакъ случилось то, чего никогда не было на Руси: избранные для единенія Царя съ народомъ „лучшіе“ люди не только не откликнулись сердечно на Царскій привѣтъ, но тотчасъ же выступили съ угрозами народной смуты и видѣли въ этой смутѣ средство для удовлетворенія своихъ требованій. Ни Царь, ни страна, за все ея многовѣковое существованіе, не привыкли, чтобы кто-либо на Руси осмѣливался съ угрозою что-либо требовать отъ Русскаго Царя.

Исторически сложившаяся въ Россіи Царская власть въ глазахъ народа всегда являлась выраженіемъ народнаго могущества, его славы и чести, выраженіемъ высшей справедливости и блага. Угроза Царю народнымъ бунтомъ, попытка подчинить Его волю насилію; — народу были непонятны.

Такихъ полномочій страна не давала и думское большинство глубоко ошибалось, полагая, что народъ присоединится къ его революціонной тактикѣ и станетъ грудями развалинъ и десятками тысячъ своихъ труповъ поддерживать стремленіе этого большинства обратить Думу въ учредительное собраніе, диктующее свою волю Монарху.

Полный разрывъ между Монархомъ и большинствомъ Государственной Думы обнаружился сразу.

Было ясно, что кромѣ смуты ничего отъ такого состава Думы ждать нельзя.

Съ врагами воюють, но не работаютъ вмѣстѣ.

Тяжело стало на душѣ и чѣмъ дальше проходило время, тѣмъ становилось все яснѣе, что Дума бы-

стрыми шагами ведетъ страну къ повторенію французской революціи.

Необузданная травля министровъ, стоявшихъ на своемъ посту по волѣ Государя, безчисленные запросы, направленные не къ водворенію порядка, а къ опозоренію государственной власти, пристрастное и сдѣланное въ тѣхъ же цѣляхъ разслѣдованіе бѣлостокскаго погрома, собираніе крестьянскихъ приговоровъ, заранѣе заготовленныхъ агитацій, для того, чтобы доказать народное броженіе и готовность страны поддержать Думу открытой силой, дебаты по аграрному вопросу, выдвинутому не столько въ цѣляхъ законодательныхъ, сколько для того, чтобы разжечь смуту среди крестьянъ, и какъ финалъ всему — выборгское воззваніе, открыто призывавшее къ неповиновенію законамъ и сопротивленію властямъ, вотъ тѣ революціонныя мѣры, какія принимались лѣвыми партіями, чтобы поднять народное недовольство и приготовить народъ къ активной поддержкѣ желаній думскаго большинства.

Но страна отвѣтила на революціонный призывъ молчаніемъ. Дума была распущена, а народъ остался спокоенъ. Почему же онъ молчалъ? Вѣдь русскимъ людямъ не впервые жертвовать жизнью.

Въ своей исторіи русскій народъ всякіе виды видѣлъ. Штыками его не испугаешь, да и штыковъ на всю Россію не хватитъ. Нѣтъ, тутъ было другое. Русскій народъ потому и владѣетъ шестою частью земного шара, что этому убогому, бѣдному народу дано отъ Бога то, чего нѣтъ у многихъ гораздо болѣе культурныхъ племенъ: инстинктъ государственности. Народъ чуялъ, что Дума дѣлаетъ не русское государственное дѣло. Мы не привыкли къ парла-

ментской жизни, но въ каждой деревнѣ деревенскіе старики лучше сумѣютъ разобраться въ общественномъ дѣлѣ, лучше его направлять, чѣмъ Государственная Дума разбиралась въ своихъ дѣлахъ. Народъ не видѣлъ въ Думѣ того проникновеннаго, вдумчиваго отношенія къ удовлетворенію своихъ нуждъ, какого онъ ожидалъ. Странѣ не нужны были митинги, не агитація она ждала. Ей нужно было дѣло, она желала творческой работы, а не революціи.

Вотъ почему Дума не могла поднять народъ, вотъ почему революція безсильна и доколѣ въ странѣ не умретъ инстинктъ государственности, до тѣхъ поръ никакая агитація, никакія модныя политическія ученія Россію не уничтожатъ.

Великій грѣхъ приняло на себя большинство первой Думы, не оправдавъ ожиданій народа и доведя Думу до роспуска. Довѣріе страны къ силѣ и способности народнаго представительства вывести народъ на вѣрную дорогу—подорвано.

Много придется поработать новымъ народнымъ представителямъ на пользу родины, чтобы вновь вернуть ту вѣру и тотъ священный трепетъ, съ какимъ народъ посылалъ своихъ избранниковъ въ первую Думу.

Реакція подняла голову, она видитъ, что народное представительство не такъ страшно, какъ ей казалось. Страна въ раздумьи; что дальше будетъ, она не знаетъ.

Но вѣрится, что лихолѣтіе пройдетъ, что будетъ день, когда любовь къ родинѣ опять восторжествуетъ.

Нашъ лозунгъ: довѣріе Царя къ народнымъ представителямъ и вѣрность ихъ Россіи и Царю.

И счастьемъ озарится тотъ день, когда восторжествуетъ этотъ лозунгъ.

Декабрь 1906 года.

Рѣчь, сказанная въ г. Смоленскѣ въ Собраніи Членовъ Союза 17 Октября.

Когда идетъ избирательная борьба,—страсти разгораются. Борющіяся политическія партіи и въ печати, и на словахъ посылаютъ другъ другу упреки, клеймятъ взаимно позорными кличками, выливаютъ другъ на друга уйму клеветы, вздорныхъ слуховъ, подтасованныхъ фактовъ.

Такъ случается повсюду, а не только у насъ. Отчасти весь этотъ шумъ объясняется взаимнымъ раздраженіемъ, но болѣе всего желаніемъ уловить въ свою партію избирателя: а можетъ онъ повѣрить, что противникъ хуже вора и пойдетъ противъ него.

Насколько вся эта вражда является въ значительной мѣрѣ фальшивою, насколько распускаемая клевета заключаютъ въ себѣ во многомъ очевидную ложь, это ясно изъ того, что болѣею частью наиболѣе видные члены партій люди совершенно одинаковаго воспитанія, образованія и общественнаго положенія. Въ частной жизни они, не рѣдко, встрѣчаются друзьями, вполне уважаютъ другъ друга, вмѣстѣ работаютъ, между ними нѣтъ и тѣни сомнѣнія о взаимной порядочности и честности, а какъ только дѣло дошло до политики, такъ и пошла драка и всякое вранье.

Поэтому избирателю слѣдуетъ относиться къ политической агитаціи съ большимъ учетомъ и главное свое вниманіе обращать не на партійныя воззванія, не на успѣхъ и ловкость митинговыхъ ораторовъ, а на то: какое общее направленіе и настроеніе партіи и кого въ данной мѣстности она проводитъ въ члены Государственной Думы, ибо въ Думѣ будутъ работать не партійныя программы, а живые люди и отъ того, кто эти люди, какія у нихъ качества, какое настроеніе и направленіе, зависитъ все дѣло.

Каждый избиратель долженъ выяснитъ себѣ, что онъ хочетъ защищать въ политической борьбѣ, какое основное начало онъ желаетъ въ ней проводить и тогда избирателю будетъ не трудно рѣшить, подходить-ли ему тѣ кандидаты въ Думу, которыхъ выставила партія, и стоитъ-ли эту партію поддерживать.

Этимъ объясняется, почему повсюду примѣняютъ систему прямыхъ выборовъ, т. е. выборовъ опредѣленныхъ лицъ, и почему у насъ, несмотря на многостепенный избирательный законъ, сразу же на первыхъ выборахъ, во многихъ мѣстностяхъ, подавали голоса за опредѣленныхъ лицъ и выбирали выборщиковъ подъ непремѣннымъ условіемъ, что они изберутъ въ Думу тѣхъ или другихъ заранѣе объявленныхъ кандидатовъ.

Имѣя уже избирательный опытъ предшествовавшихъ выборовъ и всматриваясь въ существующія политическія теченія, можно съ увѣренностью сказать, что въ значительной части Россіи все болѣе и болѣе политическая жизнь и политическая борьба сводятся къ борьбѣ національныхъ интересовъ.

Какъ только историческія условія сложились такъ, что явилась возможность заявить о своихъ желаніяхъ,

такъ сейчасъ же, на ряду съ общимъ освободительнымъ движеніемъ, у большинства не русскихъ народностей, входящихъ въ составъ Россіи, началось національное движеніе, направленное къ тому, чтобы дать этимъ народностямъ особое, болѣе самостоятельное, болѣе выгодное для нихъ положеніе въ государствѣ.

Такъ какъ однимъ изъ условій успѣха движенія являлось уничтоженіе полицейско-бюрократическаго режима, а этого добивались и всѣ прогрессивные элементы русскаго племени, то на первыхъ порахъ всѣ національности, въ томъ числѣ и русская, шли вмѣстѣ, но затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ выяснялось различіе интересовъ, различіе конечной цѣли, движеніе стало распадаться и теперь партіи, стоящія за свободу, рѣзко между собою разграничились на двѣ группы и вмѣсто того, чтобы общими усиліями уничтожить старыя порядки, общими усиліями успокоить страну и поднять ея благосостояніе, эти двѣ группы борются между собою и въ своей борьбѣ примѣняютъ тѣ средства, какія они считаютъ полезными для своихъ цѣлей.

Первая группа, имѣвшая успѣхъ на предшествовавшихъ выборахъ, отличалась рѣзко выраженной ненавистью къ существующей государственной власти, въ ней она видѣла причину всѣхъ золъ.

Главное же зло, по мнѣнію русскихъ членовъ этой партіи, заключалось въ отсутствіи у насъ въ Россіи гражданскихъ свободъ и народовластія, а по мнѣнію инородческихъ членовъ этой партіи, поддерживаемому и русскими ихъ сотоварищами, въ препятствіи къ національному самоопредѣленію каждой народности.

Изъ этого видно, что первая группа состояла изъ элементовъ, преслѣдовавшихъ подъ однимъ флагомъ,

двѣ различныя цѣли: одни, русскіе, заботились о свободѣ для всѣхъ, а другіе, инородцы, думали прежде всего о своемъ національномъ интересѣ, о своей особой самостоятельности.

Въ такомъ сочетаніи этой группы ясно выразилась та, чисто русская, безалаберность, какою мы всегда и отличались.

Нашей слабой стороною всегда была готовность вмѣшиваться въ чужія дѣла и не заботиться какъ слѣдуетъ о своихъ.

Мы ходили воевать въ Европу, чтобы устраивать общій миръ, и поддерживали Священный Союзъ. Насъ надували, насъ проклинали за вмѣшательство въ чужія дѣла, а мы все-таки лѣзли, играя смѣшную и жалкую роль въ историческомъ движеніи народовъ. Неизвѣстно зачѣмъ мы впутывались въ дѣла Австріи и помогали ей бить Венгровъ, за что и заслужили къ себѣ ненависть. Наконецъ залѣзли и въ дѣла Китая, окончившіяся такимъ для насъ погромомъ, какого мы никогда не забудемъ. А на ряду съ тѣмъ дома у насъ все было въ застоѣ, бѣдность, невѣжество, разореніе, но все это насъ мало интересовало.

Вѣдь это такъ кропотливо, такъ трудно, то-ли дѣло широкіе міровые размахи, громъ побѣды раздавался, веселился храбрый Росѣ! Ну и достигли въ концѣ концовъ того, что вся наша могучая Россія поставлена теперь на исторической сценѣ за кулисы, на задворки и держится больше всего желаніемъ другихъ державъ сохранить этотъ грузъ для политическаго равновѣсія.

Такъ поступало правительство, такъ поступаютъ и русскіе сторонники первой группы. Живые, реальные интересы своего русскаго народа ихъ не увле-

каютъ. Что имъ бороться за цѣлость Россіи, за русскій государственный интересъ, они общечеловѣки, для нихъ важно, чтобы ихъ одобряли другія національности, чтобы этимъ національностямъ дано было все, что онѣ хотятъ, а какъ это отразится на положеніи русскаго народа, на крѣпости и устойчивости государства, это ихъ мало интересуеъ. Они думаютъ, что ихъ общечеловѣческое настроеніе это то самое, что есть и будетъ и у другихъ національностей, они считаютъ, что національный эгоизмъ, стремленіе одной національности эксплуатировать другую, занять въ томъ или другомъ мѣстѣ первенствующее положеніе,— не дастъ себя чувствовать русскому народу. О фантазеры! Чѣмъ отличаетесь вы отъ тѣхъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, которые водили насъ воевать въ Венгрію и лѣзли въ дѣла Китая? Такая же близорукость, такая же непредусмотрительность, такое же отсутствіе заботливости о своихъ кровныхъ дѣлахъ, о своемъ собственномъ народѣ.

Но такъ какъ чувство самохраненія природою дано каждому, такъ какъ туманъ смуты затемнилъ здравый смыслъ далеко не у всѣхъ, такъ какъ не всѣ забыли свою исторію и примѣры другихъ народовъ, то наряду съ первой группою у ней скоро оказались не менѣе убѣжденные противники въ лицѣ партій второй группы.

Въ началѣ не вполне ясно, больше изъ-за спора о республикѣ и монархіи, а теперь уже вполне опредѣленно вторая группа основнымъ своимъ лозунгомъ выставила русскій государственный интересъ. Эта группа объединилась на защиту русской государственности и потому если первая группа, по справедливости, можетъ быть названа космополитически

инородческой, — то вторая, по существу своему, является русской національной группою. Группа эта распадается, какъ и первая, на разные оттѣнки и если космополиты доходятъ въ крайнихъ лѣвыхъ своихъ рядахъ до полного отрицанія государства и общественности, то и вторая группа въ крайнемъ правомъ своемъ теченіи впадаетъ въ узкій націонализмъ и доходитъ до ожесточенія противъ всякой другой народности. Считаться съ этими двумя крайностями мы не будемъ, ибо сама жизнь въ совокупности ея сложныхъ отношеній и условій исключаетъ всякую возможность предположенія, чтобы даже въ отдаленномъ будущемъ, которое нибудь изъ этихъ двухъ крайнихъ направленій могло восторжествовать и сдѣлаться господствующимъ.

Смыслъ же направленія большей части второй группы съ Союзомъ 17 октября во главѣ сводится къ тому, что эта группа первою своею задачею полагаетъ заботу о благополучіи, развитіи и процвѣтаніи Россіи, какъ единого, нераздѣльнаго государства. Поэтому Союзъ 17 октября борется противъ всего того, что вредитъ русскому народу и государству и нарушаетъ его интересы. Въ этомъ отношеніи по духу и по цѣли своей Союзъ представляется во многомъ сходнымъ съ тѣми инородческими элементами, какіе вошли въ первую группу. Какъ тѣ защищаютъ свою національную самостоятельность, такъ и Союзъ защищаетъ неразрывно связанную съ интересами русскаго народа самостоятельность Россіи, какъ единого государства. А такъ какъ всѣ эти національные интересы создаются не теоретически, а выдвинуты тысячелѣтней исторіей Россіи, самой жизнью и весьма понятными и важными для каждого отношеніями и

столкновеніями, то, очевидно, что существованіе Союза 17 октября въ настоящее время такъ же естественно и необходимо, какъ и существованіе инородческихъ группъ.

Можно-ли сожалѣть о дѣленіи партій по національнымъ интересамъ и угрожаетъ-ли такое дѣленіе будущему страны?

Жалѣть тутъ не о чемъ. Люди жить и устраивать свое благополучіе однѣми личными силами каждого отдѣльнаго человѣка не могутъ, имъ необходимы союзы, и однимъ изъ такихъ союзовъ является взаимное единеніе людей по единству интересовъ племени, т. е. по національности. Если можно сожалѣть о чемъ, то развѣ лишь о томъ, что русскіе люди плохо умѣютъ разбираться въ своихъ дѣлахъ и только теперь начинаютъ сознавать то, что давно уже вошло въ кровь и плоть каждого инородца,—необходимость тѣснаго единенія между собою, необходимость взаимной поддержки, необходимость защиты своихъ національныхъ правъ во всѣхъ отрасляхъ жизни. Угрожаетъ-ли такое объединеніе интересамъ другихъ народностей Россіи. Отвѣтъ на это зависитъ отъ того, какъ онѣ понимаютъ свой интересъ. Если онѣ желаютъ господства надъ русскимъ племенемъ, если онѣ желаютъ дробленія русскаго государства, если онѣ желаютъ у себя поставить русскихъ въ худшее положеніе, чѣмъ то, какимъ онѣ сами пользуются у русскихъ,—то, конечно, объединеніе защитниковъ государственности всему этому угрожаетъ, ибо на этой почвѣ мы будемъ непримиримыми врагами и будемъ биться до послѣднихъ силъ. Но если желаютъ мирно жить съ нами на одинаковыхъ условіяхъ, съ одинаковыми правами и обязанностями, то, милости

просимъ, русскій народъ никогда жестокостью не отличался, наоборотъ, онъ славился всегда своимъ добродушіемъ и уживчивостью. Мы, русскіе люди, не имѣемъ ни малѣйшаго желанія тѣснить кого-либо и возмущаемся только тогда, когда видимъ покушеніе на государство и на нашъ карманъ.

Когда идешь на борьбу, надо всегда дѣлать учетъ силъ и своихъ и чужихъ. Надо подсчитать: кто врагъ, сколько его, кто его союзники. На мимолетныя настроенія надѣяться нельзя, они быстро мѣняются, жизнь беретъ свое и выдвигаетъ только тѣ силы, какія въ ней дѣйствительно существуютъ.

Первая группа своими всѣмъ извѣстными революціонными дѣйствіями вызвала недовѣріе и несочувствіе къ себѣ какъ въ Верховной власти, такъ и въ правительствѣ. Поэтому ближайшей ея цѣлью было поколебать авторитетъ Верховной власти, свести ея до степени прѣстолоустройства, которое только царствуетъ, но не управляетъ страной, и низвергнуть поставленное Верховною властью правительство, замѣнивъ его своими людьми.

Естественно, что этихъ результатовъ можно добиться только насиліемъ. Никто добровольно, ради громкихъ фразъ, не откажется отъ своихъ правъ въ пользу того, кому онъ не вѣритъ и считаетъ своимъ врагомъ.

Поэтому для первой группы иного пути, кромѣ продолженія смуты, не было. Только раздувая недовольство и угрожая Монарху народной революціей, первая группа могла надѣяться, что, быть можетъ, ея угрозамъ повѣрятъ и сдадутся на капитуляцію.

Отсюда ясно, что прямыми и наиболѣе цѣнными союзниками первой группы были активные революціонеры всѣхъ типовъ.

Оттого первая группа всегда относилась съ нескрываемымъ сочувствіемъ ко всякимъ революціоннымъ проявленіямъ, начиная съ вооруженныхъ возстаній и бунтовъ, кончая политическими убійствами и взрывами хотя бы эти убійства и взрывы отличались крайней жестокостью и массою неповинныхъ жертвъ, какъ на примѣръ въ Севастополѣ при покушеніи на жизнь Неплюева.

Оттого эта группа такъ настойчиво требовала амністіи даже убійцамъ и грабителямъ, если убійство и грабежъ прикрывались политическимъ флагомъ. Оттого эта группа категорически отвергла въ Государственной Думѣ порицаніе террористамъ, ссылаясь на то, что группа занимается не моралью, а практическими государственными дѣлами. Оттого эта же группа такъ строго и такъ пристрастно осуждала репрессіи, всякую кровавую расправу съ революціонерами, находя, что въ этомъ случаѣ, о морали говорить можно и должно.

Таковы были и остаются силы и тактика первой группы.

Вторая группа въ первую избирательную кампанію была плохо соорганизована. Народныя массы не отдавали себѣ яснаго отчета въ происходящемъ и потому дали свои голоса тѣмъ, кто лучше умѣлъ агитировать.

Но чисто отрицательный результатъ дѣятельности первой Государственной Думы внесъ значительное отрезвленіе.

А усилившіеся затѣмъ повсюду убійства, насилія и грабежи, окончательно уяснили многимъ, что въ революцію играть нельзя.

Явилось болѣе критическое отношеніе къ дѣятельности и намѣреніямъ первой группы; подъ дав-

леніемъ общаго разоренія, подъ давленіемъ внутреннихъ безпорядковъ и безчинствъ люди наконецъ поняли, что революція грозитъ не только правительству, но и имъ самимъ, что допускать дальнѣйшее развитіе ея невозможно и что поэтому необходимо во что бы то ни стало революцію подавить.

А такъ какъ вторая группа никогда въ союзъ съ революціей не была, всегда относилась къ ней отрицательно, всегда считала, что революціонное движеніе идетъ не за интересы русскаго народа и государства, а противъ этихъ интересовъ, то постепенно силы второй группы начали увеличиваться притокомъ къ ней тѣхъ обывателей, которые, по своей политической неосвѣдомленности и близорукому отношенію къ государственной жизни, на первыхъ выборахъ дали своими голосами торжество ставленникамъ первой группы.

Но съ революціей добрыми словами справиться нельзя. Революція есть вполнѣ опредѣленная сила. Искоренить смуту могутъ только реформы, но остановить силу и насиліе на время, необходимое для реформъ, можетъ только сила.

Если у первой группы единственной активной силою были революціонеры, то у второй группы никакой другой силы для борьбы съ революціоннымъ насиліемъ кромѣ правительства не было. А такъ какъ послѣ роспуска Думы правительство стало бороться съ революціей во всю, то естественно, что въ существующихъ условіяхъ борьба правительства съ революціей явилась для второй группы настолько же необходимой, насколько для первой группы была желательною борьба революціонеровъ съ правительствомъ.

Такимъ образомъ обѣ группы сформировались окончательно въ такомъ видѣ: первая группа заключаетъ въ себѣ русскихъ общечеловѣковъ, активныхъ революціонеровъ, всякихъ наименованій, и временной союзъ инородцевъ. Союзъ этотъ несомнѣнно только временной, ибо рознь между ними мы замѣчаемъ уже и теперь, напримѣръ на Кавказѣ, гдѣ армяне, грузины и татары стоятъ между собою на ножахъ, или въ Польшѣ, гдѣ разгорается вражда между поляками и евреями изъ за депутатскихъ мѣстъ и вліянія на политическую жизнь края.

Во вторую же группу входятъ: всѣ тѣ, кто считаетъ для себя интересъ единой, нераздѣльной Россіи наиболѣе близкимъ и дорогимъ. Сюда относятся, какъ русскіе, такъ и инородцы, не увлекающіеся сепаратизмомъ и не сочувствующіе революціоннымъ насиліямъ; наконецъ сюда же относится, какъ вспомогательная сила, правительство, со всею его организациею, арміею и государственными средствами.

Въ политикѣ надо глядѣть на вещи трезво и не увлекаться.

Поэтому прежде чѣмъ говорить о желаніяхъ, надо сосчитать средства и силы.

Если же мы, путемъ простой ариѳметики, прикинемъ: кто же сильнѣе: первая группа или вторая, — то двухъ мнѣній здѣсь быть не можетъ.

Вторая группа и по численности русскаго народа, готоваго активной силою поддержать государственность Россіи, и по организаци и средствамъ другого противника космополитовъ и автономистовъ — правительства, неизмѣримо сильнѣе первой группы.

А что это такъ, это лучше и нагляднѣе всего доказывается роспускомъ первой Думы.

Страна отказалась поддержать первую группу и всѣ попытки вызвать въ народѣ активное сопротивление оказались безуспѣшными.

При такомъ соотношеніи силъ всѣ старанія первой группы обречены на бесплодность, и порождаемая ею смута не только не двигаетъ дѣло свободы впередъ, но служитъ тормазомъ этому дѣлу. Поэтому невольно спрашиваешь сторонниковъ первой группы: не лучше ли синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ?

Союзъ 17-го октября, защищая государственное единство Россіи, никогда не стремился къ неравенству гражданъ. Союзъ всегда относился и относится совершенно отрицательно къ узкимъ націоналистамъ, непонимающимъ дѣйствительныхъ условий жизни и видящихъ „истину“ въ угнетеніи другихъ.

Союзъ желаетъ гражданской свободы для всего русскаго народа и такую же свободу онъ гарантируетъ и всѣмъ прочимъ своимъ соотечественникамъ.

Союзъ полагаетъ, что единственное требованіе, какое онъ можетъ предъявлять къ каждому,—это требованіе, чтобы каждый русскій подданный былъ дѣйствительно гражданиномъ Россійскаго Государства, преданнымъ своей родинѣ и гордящимся этимъ высокимъ званіемъ.

Союзъ считаетъ, что его условія вполне пріемлемы для всѣхъ гражданъ, ибо условія эти справедливы. Нельзя требовать въ государствѣ больше политическихъ правъ, чѣмъ имѣютъ другіе граждане, составляющіе основное населеніе страны.

И то, что желаетъ Союзъ, то будетъ. Чѣмъ больше онъ встрѣтитъ поддержки на выборахъ, чѣмъ больше будетъ единодушія въ Государственной Думѣ,

тѣмъ скорѣе пройдутъ всѣ реформы, тѣмъ скорѣе страна вступитъ на путь процвѣтанія и развитія.

Наши противники, не смѣя задѣвать національное чувство своихъ сочленовъ инородцевъ, смѣются надъ нашей любовью къ родинѣ и стараются доказать, что любить русскій народъ, гордиться именемъ русскаго, быть такимъ же патріотомъ, какимъ являются, напр., поляки, стыдно и зазорно. Пусть смѣются,—тѣ у кого есть національное чувство, насъ поймутъ. А хорошо будетъ смѣяться только тотъ, кто смѣется послѣднимъ.

Противники наши, желая подорвать къ намъ довѣріе, указываютъ на наше отношеніе къ правительству. Если позоръ Россіи въ свое время радовалъ сторонниковъ принципа, „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“, то русскому народу онъ нанесъ глубокую рану. Эта рана и теперь сочится кровью, виновники разоренія, позора и невѣжества русскаго народа намъ хорошо извѣстны. Но мы умѣемъ сдерживать себя, мы понимаемъ, что дальнѣйшая смута еще болѣе обезсиливаетъ и разоряетъ страну. Поэтому мы не такъ наивны, чтобы слѣдовать по стопамъ нашихъ противниковъ и травлею правительства раздувать революцію.

Если въ домѣ пожаръ, если огонь начинаетъ истреблять имущество, угрожаетъ жизни и всему благосостоянію, то не станутъ же гнать пожарныхъ, пріѣхавшихъ тушить огонь. Не станутъ же перерѣзывать имъ шланги, портить пожарныя машины, разбивать пожарныя бочки.

Всѣ отлично знаютъ, что пожарные грубы, что они безъ церемоніи будутъ выкидывать въ окна мебель и обстановку, что стекла въ домѣ будутъ побиты, что крышу сорвутъ, что жильцовъ и публику заста-

вять качать воду, что иной разъ попадетъ и по шеѣ празднымъ любопытнымъ, мѣшающимъ тушить. Но всѣ, на время пожара, должны мириться со всей этой грубостью, съ этимъ насиліемъ, ибо выхода нѣтъ, — либо сгорѣть до тла, либо спасти что можно.

Но пожаръ кончился, пожарнымъ дѣлать больше нечего, они должны уѣхать къ себѣ, а хозяину дома — народу надо самому обдумать, какъ возстановить погорѣвшее зданіе, какъ сдѣлать его лучше, чѣмъ оно было прежде.

Въ заботы эти никто, кромѣ народа и его Главы, вмѣшиваться не долженъ. Промежъ себя они порѣшуть все дѣло и такъ тому и быть.

Державный нашъ Глава давно уже ждетъ къ себѣ лучшихъ людей своего государства, давно уже ищетъ согласія и единенія съ ними, чтобы общими усилиями поднять Россію. И когда лозунгомъ этихъ людей будетъ вѣрность ихъ Россіи и Царю, тогда наступитъ часъ для возрожденія родины.

Что можетъ противустоять такимъ двумъ силамъ, какъ Царь и народное представительство, дѣйствующимъ согласно и соединенно.

И развѣ мыслимо думать, чтобы бюрократизмъ осмѣлился нарушить единую Царскую и народную волю? Мы скажемъ бюрократіи прямо и открыто: „мавръ исполнилъ свои обязанности, мавръ можетъ удалиться. Ибо мавръ онъ и мавромъ останется, и, какъ бы ни были искусны его сторонники, имъ не отмыть его“.

Слова эти не будутъ пустою фразою.

Какъ только для Союза откроется возможность государственной работы, — повсемѣстное введеніе широкаго самоуправленія будетъ нашей первой заботою.

При помощи его Россія быстро прекратитъ не на словахъ, какъ теперь, но и на дѣлѣ, полицейско-бюрократическій режимъ и создастъ прочную основу для конституціоннаго строя, а жизнь общественная выброситъ упорствующихъ за бортъ.

Декабрь 1906 года.

Рѣчь, сказанная въ Собраніи избирателей Петербургской части г. С.-Петербурга.

Послѣ долгаго перерыва мы опять собрались вмѣстѣ. Начнемте же наше Собрание съ того, что подтвердимъ еще разъ наше основное убѣжденіе.

Правда прежде всего.

Примѣняя это положеніе къ начавшейся выборной кампаніи, мы должны сказать, что выборы ведутся не ладно.

Мы видимъ, что правительство допускаетъ демонстративныя собранія крайнихъ правыхъ. Мы видимъ, что разрѣшены собранія и намъ. Но мы знаемъ, что нашимъ политическимъ противникамъ собираться не разрѣшено.

Зачѣмъ-же это дѣлается?

Каждый понимаетъ, что нельзя допускать собраній, гдѣ раздаются призывы къ бунту.

Но это дѣло власти слѣдить за тѣмъ, чтобы такихъ рѣчей не было.

Но не дѣло власти преслѣдовать тѣхъ, кто такихъ рѣчей не ведетъ.

Запрещеніе собраній лѣвымъ партіямъ несправедливо и не достигаетъ цѣли.

Кромѣ собраній, для агитаціи существуетъ другое могучее средство—печать и она свою кампанію ведетъ.

Да и невозможно запретить людямъ думать и говорить. Стало быть, запретомъ собраній устная агитация также не устраняется. А, между тѣмъ, эти запрещения создаютъ лѣвымъ партіямъ какой-то вѣнокъ пострадавшихъ за правду.

Вмѣсто того, чтобы вывести ихъ на гласный, общественный судъ, вмѣсто того, чтобы дать возможность съ партіями лѣвыми открыто бороться, ихъ загоняютъ во внутрь, туда, гдѣ онѣ неуязвимы, гдѣ открытаго спора съ ними быть не можетъ.

Та-же вѣчная система опеки надъ народомъ, то-же недоувѣріе къ его здравому смыслу, тотъ же произволъ, который уже надѣлалъ намъ столько бѣдъ.

Допустимъ на минуту, что давленіемъ на избирательную кампанію правительство добилось-бы того, что ни одинъ лѣвый не прошелъ-бы въ Думу.

Развѣ это было-бы хорошо? Развѣ можно правильно работать безъ критики? Развѣ Дума не была-бы однобокой, такою же односторонней, какъ и первая Дума? Развѣ подобной однобокой Думѣ страна повѣрила-бы?

Давленіе на выборы роняетъ достоинство того учрежденія, которое выбираютъ и, я не думаю, чтобы въ интересахъ правительства было уронить въ глазахъ народа вѣру его въ Государственную Думу, какъ справедливаго представителя всѣхъ интересовъ народа.

Правительство, очевидно, напугано успѣхомъ лѣвыхъ партій на прошлыхъ выборахъ.

Но вѣдь путемъ несправедливыхъ мѣръ измѣнить убѣжденія нельзя.

Убѣжденія могутъ измѣниться только подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ, которыя совершенно выясняютъ ошибочность прежнихъ убѣжденій.

И думается мнѣ, что этихъ обстоятельствъ достаточно уже много и силу ихъ репрессіи правительства не только не увеличиваютъ, но скорѣе уменьшаютъ.

Вы знаете, что главнымъ нашимъ противникомъ является партія кадетовъ.

Отбросимъ, при оцѣнкѣ этой партіи, всѣ тѣ приемы, какіе обыкновенно практикуются. Не стоитъ перемывать старое грязное бѣлье. Для этого есть прачешныя, и такимъ учрежденіемъ для прошлаго и его ошибокъ является судъ исторіи, который скажетъ въ свое время, правдивое слово о кадетахъ.

Приемы перебранки всѣмъ надоѣли.

Избирателю надо относиться къ политической агитации съ большимъ учетомъ, надо обращать вниманіе не на партійныя воззванія, не на ловкость и успѣхъ митинговыхъ ораторовъ, а на то, что составляетъ сущность партіи, какое основное у ней направленіе и настроеніе.

И вотъ, оцѣнивая кадетскую партію съ этой точки зрѣнія, нельзя не притти къ выводу, что главнымъ недостаткомъ этой партіи было и останется отсутствіе у нея вполне опредѣленнаго, яснаго для cadaго, основного лозунга, основного клича, который, какъ цементъ, крѣпко связывалъ-бы всѣхъ членовъ партіи и указывалъ-бы ясный путь, по которому партія должна ити.

Что это такъ, это лучше всего подтверждается тѣмъ, что мы замѣчаемъ въ политической жизни тѣхъ мѣстностей, гдѣ населеніе смѣшанное, напр., въ западныхъ губерніяхъ. Тамъ нѣтъ кадетовъ. Тамъ партіи дѣлятся просто по національностямъ. Имѣются: еврейская, польская, латышская, русская партіи и такое дѣленіе партій для всѣхъ ясно и понятно.

Въ этихъ партіяхъ есть люди разныхъ оттѣнковъ, одни правѣе, другіе лѣвѣе, но всѣ они слились воедино, всѣ они подчинили себя одному лозунгу,—служенію общему благу своего племени. Изъ любви къ нему они отбросили всякую мелкую партійную рознь, изъ желанія упрочить благо своего народа, они готовы итти на взаимныя уступки и вотъ такая ясная идея дѣйствительно освѣщаетъ весь ихъ путь. Партіи эти никогда не поступятся тѣмъ, что необходимо для своего племени, никогда не предпочтутъ личный интересъ одного класса благу всѣхъ классовъ.

Но эти же инородцы тамъ, гдѣ они не могутъ составить, по малочисленности своей, самостоятельную группу, тамъ они охотно идутъ въ кадеты, ибо они недовольны, ибо они надѣются, при помощи кадетовъ, послужить интересамъ своего племени и поддерживать представителей своихъ чисто національных партій.

То же недовольство своимъ положеніемъ влекло къ кадетамъ и другія группы населенія.

Приказчики шли потому, что они недовольны своимъ положеніемъ у хозяевъ.

Ремесленники шли потому, что они недовольны своею бѣдностью и плохимъ положеніемъ своихъ дѣлъ.

Чиновники и мелкіе служащіе шли, ибо имъ тяжело живется и ихъ удручаетъ произволъ начальства.

Шли и крестьяне въ надеждѣ получить черезъ кадетовъ землю.

Что же такое кадеты? Это союзъ недовольныхъ.

Но въ томъ-то и бѣда, что разные недовольства всегда между собою сталкиваются. Если мы удовле-

творимъ сполна однихъ недовольныхъ, то непременно обидимъ другихъ.

Если несправедливо отдавать приказчика въ полное распоряженіе хозяина, то нельзя и хозяевъ отдавать въ полное распоряженіе союза приказчиковъ. Тутъ надо полюбовное размежеваніе, соглашеніе, иначе будетъ гнетъ и насиліе однихъ надъ другими.

Если несправедливо вымогать изъ крестьянъ непомѣрную арендную плату, тѣснить ихъ землю, то несправедливо отбирать землю насильно и у ея собственниковъ. Опять здѣсь нужно примиряющее начало.

Если несправедливо тѣснить инородцевъ, то еще болѣе несправедливо разрушать Россію, созданную тысячелѣтнимъ трудомъ и кровью русскаго народа. Нельзя его тѣснить, нельзя сажать ему другихъ на шею. Здѣсь опять нужно примѣнить справедливое начало.

Но этого-то начала у кадетовъ и нѣтъ. Соединивъ воедино всѣхъ недовольныхъ, они не дали имъ пути, какъ примирить, какъ согласить ихъ взаимно сталкивающіеся интересы. Оттого кадеты удовлетворить никого не могутъ. Они могутъ много обѣщать, но обѣщанія эти останутся неисполненными по непримиримости сталкивающихся интересовъ и по отсутствію той основной идеи, которой согласны были бы подчиниться всѣ.

Вѣдь нельзя же въ серьезъ принимать то средство, какое кадеты предлагаютъ для выполненія своихъ обѣщаній.

Они говорятъ, дайте намъ власть, передайте управленіе страной въ наши руки, мы все устроимъ.

Вѣдь это огромное самомнѣніе.

Власть можно дать тому, кто всей предшествовавшей своей дѣятельностью доказалъ свои государственныя способности.

А этого кадеты, конечно, не доказали.

На слово же вѣрить въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ государственное управленіе, нельзя. Тѣмъ болѣе нельзя этому вѣрить, что безъ руководящаго начала, безъ опредѣленной, единой для всего цѣли, государство вести невозможно.

А стремленіе совмѣстить несовмѣстимое, удовлетворить сполна всѣ эгоистическія требованія разныхъ недовольныхъ группъ, это задача явно неразрѣшимая.

Для опытовъ въ этомъ направленіи отдавать страну нельзя, ибо такіе опыты могутъ слишкомъ дорого стоить.

Вотъ почему, отдавая должную дань уваженія многимъ представителямъ этой прогрессивной партіи, я нахожу, что партія кадетовъ будетъ на своемъ мѣстѣ только тогда, когда она не будетъ имѣть рѣшающаго вліянія.

Она прекрасна, какъ оппозиція: она не дастъ другимъ остановиться. Но вѣдь не шпоры везутъ сѣдока, а его конь, и этой дѣйствительной рабочей силой всегда будетъ Союзъ 17 октября. Онъ не такъ порывистъ, какъ кадеты, но у него есть ясная, объединяющая всѣхъ идея—идея государственности.

Союзъ всей душой идетъ навстрѣчу интересамъ недовольныхъ и обиженныхъ, но Союзъ ясно говоритъ имъ: я буду отстаивать ваши интересы во всемъ томъ, что не нарушаетъ правильной государственной жизни, что не грозитъ странѣ смуту, разореніемъ, разрушеніемъ.

Поэтому Союзъ, считая первой и главной своею заботою охрану государственнаго единства, охрану правъ и достоинства всего русскаго народа, неуклонно стремится къ утверженію въ Россіи гражданскихъ свободъ и равноправія, ибо въ этомъ Союзъ видитъ залогъ прекращенія смуты и прочную основу для процвѣтанія страны.

По этой же причинѣ Союзъ считаетъ главною своею задачею не полученіе, какъ хотѣли кадеты, министерскихъ мѣстъ, а немедленную разработку и проведеніе въ жизнь самаго широкаго мѣстнаго самоуправления, основаннаго на общемъ пропорціональномъ выборномъ правѣ.

Нельзя строить домъ не съ фундамента, а основой правильнаго государственнаго строя являются не министры, а широко проведенное выборное начало. Только оно можетъ замѣнить бюрократію выборными силами, только оно будетъ отзывчиво ко всѣмъ мѣстнымъ нуждамъ, только оно создастъ прочную основу для гражданскихъ свободъ. Безъ мѣстнаго самоуправления страна жить не можетъ. Оно очиститъ страну отъ той непроходимой лѣни и обломовщины, которая насъ заѣдаетъ и является главной виновницей всѣхъ нашихъ золъ.

Вотъ эти-то двѣ главныя задачи: охрана Россіи, какъ единаго, могучаго государства, и развитіе въ народѣ самодѣятельности, заботливости своими силами и своимъ умомъ о своихъ нуждахъ, это и есть основная идея Союза.

Она можетъ примирить столкновения недовольныхъ, она создастъ для государственной работы необходимыхъ людей и выведетъ страну на путь развитія и лучшей жизни.

Требованія Союза ясны и опредѣленны: пусть каждый защищаетъ свой интересъ, но пусть при этомъ не забываетъ, что, кромѣ личнаго, есть общій интересъ—служеніе родинѣ и развитію ея самостоятельности.

Нашъ лозунгъ: „Россія прежде всего“.
Шире ей дорогу!

Декабрь 1906 года.

Рѣчь, сказанная въ Собраніи избирателей Московской части г. С.-Петербурга.

Вопросъ о государственномъ языкѣ представляется весьма обширнымъ и сложнымъ, тк. кк. онъ захватываетъ не только школьное дѣло, но и всѣ отрасли государственнаго и общественнаго управленія. Въ данномъ случаѣ я не буду касаться этого вопроса во всемъ его объемѣ, а остановлюсь лишь на томъ, какое мѣсто долженъ занимать государственный языкъ въ школьномъ дѣлѣ. Мнѣ думается, что основное положеніе для низшей и средней школы должно заключаться въ слѣдующемъ: школа не должна заниматься политикою.

Низшая и средняя школа образовываетъ и воспитываетъ дѣтей, но она не должна ихъ ломать, не должна ихъ озлоблять, не должна заставлять ихъ поступаться тѣмъ, чѣмъ они дорожатъ,—своимъ роднымъ языкомъ.

Поэтому изученіе въ этихъ школахъ всякаго чужого языка должно быть обусловлено только необходимостью его въ жизни, а не цѣлью заставить забыть родной языкъ или поставить этотъ языкъ въ приниженное положеніе.

Только, при сознаніи дѣйствительной необходимости чужого языка, его будутъ изучать охотно и

прилежно. Попытка же сдѣлать изученіе чужого языка средствомъ политики дастъ въ результатѣ совершенно отрицательный исходъ.

Примѣромъ можетъ служить попытка въ этомъ направленіи Пруссіи. Мы знаемъ, что Пруссія всѣми мѣрами старалась и старается путемъ принудительнаго изученія всѣхъ школьных предметовъ на нѣмецкомъ языкѣ германизировать Познань. Но какой же получился результатъ?

Совершенно обратный. Такое принужденіе только подняло у поляковъ націонализмъ, только еще сильнѣе оттолкнуло ихъ отъ сліянія съ нѣмцами.

А если даже такому культурному и настойчивому народу, какъ германцы, эта система не удалась, то тѣмъ болѣе намъ не слѣдуетъ итти по этому ложному пути.

Поэтому въ школахъ съ инородческимъ составомъ учениковъ ихъ родному языку долженъ быть данъ полный просторъ и введеніе въ такія школы преподаванія государственнаго языка должно преслѣдовать только одну цѣль—основательное изученіе этого языка, какъ безусловно необходимаго для дальнѣйшей практической дѣятельности каждого гражданина.

Поэтому, въ низшихъ инородческихъ школахъ желательно первоначальное образованіе на родномъ языкѣ, дабы ребенокъ привыкъ къ ученію и постепенно подготовился къ болѣе трудной для него наукѣ—изученію незнакомаго или мало знакомаго ему языка.

Такія школы должны быть не менѣе, какъ двух-класснаго типа, и государственный языкъ долженъ въ нихъ преподаваться, начиная со второго класса.

Средняя инородческая школа должна давать основательное знаніе государственнаго языка и потому,

при провѣрочныхъ экзаменахъ, дающихъ всѣ присвоенныя этимъ школамъ права, государство можетъ предъявлять серьезныя требованія. Но требованія эти должны клониться только къ тому, чтобы удостовѣриться, знаетъ ли ученикъ государственный языкъ, но не къ тому, чтобы заставлятъ учениковъ переучивать такіе предметы, которые они проходили на родномъ языкѣ и которые прямого отношенія къ знанію государственнаго языка не имѣютъ.

Поэтому въ средней школѣ русскій языкъ обязателенъ лишь: для изученія этого языка и его литературы, для русской исторіи, географіи Россіи и для законовѣдѣнія. Всѣ же остальные предметы могутъ изучаться на родномъ языкѣ и провѣркѣ на русскомъ языкѣ не подлежать.

Что же касается высшихъ школъ, то вопросъ объ языкѣ преподаванія въ нихъ разрѣшается такъ: въ эти школы поступаютъ только лица, окончившія курсы среднихъ школъ, то-есть основательно знающія государственный языкъ.

Поэтому для нихъ слушаніе лекцій на государственномъ языкѣ не можетъ представлять затрудненій.

Съ другой же стороны, доступъ въ высшія школы не можетъ быть ограниченъ одною національностью. Разъ школа содержится на общегосударственныя средства—она доступна всѣмъ національностямъ.

А при такихъ условіяхъ другого языка, кромѣ государственнаго, въ ней быть не можетъ.

Само собою разумѣется, что лекціи филологическія могутъ быть читаемы на томъ языкѣ, къ которому лекціи относятся. Точно также могутъ быть выдѣлены лекціи богословія.

Но если бы возникли частные инородческіе университеты, то нѣтъ основаній стѣснять въ нихъ свободу преподаванія, при условіи, что провѣрочные государственные экзамены сдаются, въ предѣлахъ требованій государственныхъ высшихъ школъ, на государственномъ языкѣ.

Декабрь 1906 года.

Рѣчь, сказанная въ Собраніи избирателей Московской части г. С.-Петербурга.

Среди шума избирательной борьбы совершенно затерялся одинъ существенный вопросъ: куда же, наконецъ, мы идемъ и чѣмъ все это кончится? Россія всегда отличалась необыкновеннымъ долготерпѣніемъ и выносливостью.

Поэтому, несмотря на всѣ ужасы революціоннаго террора и правительственныхъ репрессій, обыватель къ нимъ какъ-бы привыкъ, нервы его уже огрубѣли, онъ совершенно спокойно читаетъ и слышитъ о самыхъ возмутительныхъ преступленіяхъ и не менѣ жестокихъ казняхъ и все это не мѣшаетъ ему жить и, какъ всегда, заботиться прежде всего о своихъ маленькихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ.

Правда, онъ считаетъ себя обязаннымъ имѣть политическую вѣвѣску и охотно слѣдуетъ за тѣми, кто больше въ модѣ, но далѣе подачи бюллетеня съ спискомъ модной партіи, политическія заслуги обывателя не идутъ, и рассчитывать на какую-либо его дальнѣйшую активную поддержку совершенно невозможно.

Происходитъ кровавая борьба революціи съ правительствомъ, а большая часть Россіи изображаетъ изъ себя зрителя, любопытствующаго на перипетіи

этой борьбы и, въ сущности, относящагося къ ней довольно равнодушно.

Причина такого равнодушія понятна: обыватель сознаетъ и чувствуетъ свое совершенное безсиліе, ничего хорошаго ни отъ побѣды революціи, ни отъ побѣды правительства обыватель для себя не ожидаетъ; вся обывательская логика сводится, въ концѣ концовъ, къ одному совершенно простому соображенію: разъ борьба не настолько разрослась, чтобы охватить открытымъ бунтомъ всю или значительную часть страны, значитъ жить еще можно, а къ позору, стѣсненіямъ и непріятностямъ обыватель давно уже привыкъ.

При такомъ настроеніи и міросозерцаніи громаднаго большинства Россіи, происходящая борьба можетъ длиться весьма долго, ибо ни у одного изъ противниковъ нѣтъ въ своемъ распоряженіи такихъ силъ, которыми онъ могъ бы подавить своего врага и нанести ему полный разгромъ.

Вопросъ о томъ: долго ли будетъ продолжаться въ Россіи смутное время, сводится не къ побѣдѣ революціи надъ правительствомъ, или наоборотъ, а исключительно къ тому, когда же, наконецъ, воюющія стороны начнутъ миролюбивые переговоры и заключать между собой, на почвѣ взаимныхъ уступокъ, миръ.

Всякая война можетъ имѣть только два теченія: либо одна сторона разбиваетъ другую сторону на голову и диктуетъ ей свою волю,—такъ было въ 1870 г. въ войнѣ Германіи съ Франціей; либо обѣ стороны доходятъ до такого положенія, что дальнѣйшее продолженіе войны не обѣщаетъ ни одному изъ противниковъ никакихъ существенныхъ выгодъ; тогда

имъ не остается ничего другого, какъ вступить между собой въ переговоры и покончить войну на условіяхъ, не всегда совпадающихъ съ предѣльными желаніями борющихся; такъ было въ 1904 г. въ войнѣ Японіи съ Россіей. У насъ, въ Россіи, въ данное время нѣтъ тѣхъ условій, которыя давали бы революціи надежду устроить русскому правительству Седанъ.

Обѣ стороны борются за одно и то же: правительство желаетъ сохранить за собою власть и распоряженіе всей страной и революція желаетъ получить эту же власть и это же распоряженіе. Обоимъ противникамъ предметъ спора: власть и распоряженіе — жизненно необходимы, ибо безъ этого каждая сторона обращается въ ничто.

Сознаніе такого значенія борьбы настолько ясно для враждующихъ, что нѣтъ тѣхъ жертвъ, нѣтъ тѣхъ страданій, на которыя у каждой стороны не нашлось бы охотниковъ ихъ перенести.

И вотъ, мы видимъ, что революція выдвигаетъ массу людей, съ фанатической рѣшимостью идущихъ на вѣрную смерть, а на ряду съ этимъ, съ меньшимъ мужествомъ, остаются на своихъ постахъ и представители власти, ожидая каждую минуту смертельнаго удара отъ своихъ противниковъ.

Ни та, ни другая сторона не обнаруживаетъ паники. Отдѣльные борцы падаютъ, но ихъ смѣняютъ другіе и конца не видно этой человѣческой бойнѣ.

Цѣль взаимнаго террора не достигается, ибо нельзя испугать людей, готовыхъ умереть. Война носитъ чисто партизанскій характеръ, такъ какъ для открытаго боя у революціи нѣтъ и не будетъ регулярной арміи.

А при партизанской войнѣ разгрома и рѣшительныхъ побѣдъ не бываетъ.

При такихъ условіяхъ здравый смыслъ долженъ подсказать противникамъ: пора кончать, пора, наконецъ, договориться между собою.

Вотъ почему заключеніе мира неизбежно и, по самому существу дѣла, соглашеніе съ правительствомъ есть единственный исходъ изъ всей настоящей смуты.

Къ сожалѣнію, наша революція способна оцѣнивать всю историческую обстановку съ слишкомъ большимъ опозданіемъ.

Русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ и это народное качество вполне сказалось у нашихъ революціонеровъ.

Въ прошломъ году революція выдвинула, какъ лучшее средство борьбы съ правительствомъ, вооруженное возстаніе. Средство это оказалось никуда не годнымъ и закончилось полнымъ пораженіемъ революціонеровъ.

А теперь революціонныя партіи сами признаютъ, что „выдвиганіе вооруженнаго возстанія, какъ рѣшающаго тактическаго пріема, основано на неправильномъ учетѣ современныхъ условій государственной жизни и на неправильномъ приложеніи далекихъ отъ нашего времени историческихъ примѣровъ къ современному положенію дѣлъ“. Спрашивается, о чемъ гг. революціонеры думали раньше и почему они не примѣнили свои теперешнія разсужденія тогда, когда ихъ нужно было примѣнить?

Въ первой Государственной Думѣ всѣ усилія думскаго большинства были направлены къ тому, чтобы создать изъ Думы авторитетный очагъ всенародной пропаганды ненависти къ правительству. Путемъ этой пропаганды думское большинство разсчитывало взволновать страну и угрозою общей революціи заставить

правительство сдать на капитуляцию. Всѣ эти расчеты оказались основанными на пескѣ и закончились разгономъ Думы.

Спрашивается, гдѣ же былъ у думскаго большинства столь излюбленный ими теперь „благоразумный учетъ наличныхъ условій“? Почему партія народной свободы рекомендуетъ своимъ ораторамъ говорить объ этомъ „учетѣ“ теперь, а не вспомнила о немъ тогда, когда нужно было.

Озлобленные роспускомъ Думы представители ея большинства рѣшили отомстить правительству и для этой цѣли выпустили знаменитое выборгское воззваніе, призывавшее народъ къ неплатежу податей и къ уклоненію отъ воинской повинности.

Воззваніе это успѣха не имѣло и нынѣ творцы его добросовѣстно признали свои выборгскія дѣла также несоотвѣтствовавшими „благоразумному учету наличныхъ условій“.

Но всѣ эти мудрыя признанія каждый разъ опаздываютъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

А, между тѣмъ, въ борьбѣ каждое пораженіе обходится очень дорого.

Было время, когда и у лѣвыхъ партій даръ предусмотрительности находился въ порядкѣ. Это было тогда, когда онѣ наблюдали другую борьбу, имъ чуждую, но не менѣе ужасную.

Во время Японской войны всѣ лѣвыя партіи и ихъ органы печати весьма отчетливо и справедливо указывали на безнадежность для насъ войны и на необходимость скорѣе заключить миръ.

И дѣйствительно, миръ до Лаояна стоилъ бы намъ Артура и Кореи, а миръ послѣ Цусимы стоилъ намъ всей Манчжуріи, всѣхъ рыбныхъ ловель на Тихомъ

океанѣ, половины Сахалина и всего нашего вліянія на Востокѣ.

Пораженія даромъ не проходятъ и принимаются къ учету при заключеніи мира.

Къ 17 октября 1905 г. вся Россія казалась сплоченной единымъ желаніемъ конституціи.

Но дальнѣйшіе выпадъ революціи и понесенныя ею неудачи показали: 1) что страна совершенно не способна къ серьезному революціонному выступленію; 2) что въ самой странѣ образовался расколъ и огромное большинство никакихъ революціонныхъ насилій не желаетъ; 3) что главный рѣшающій двигатель революціи—войско—осталось правительству вѣрнымъ и готовымъ исполнять его волю, и 4) что роспускъ народныхъ представителей является для правительства дѣломъ столь же легкимъ и безопаснымъ, какъ и разгонъ всякаго другого сборища лицъ, правительству неугодныхъ. Ясно, что такая несомнѣнная слабость средствъ и силъ революціоннаго движенія создала для правительства возможность третировать это движеніе свысока и, чѣмъ дальше революція будетъ идти въ томъ же неудачномъ направленіи, тѣмъ меньше, въ концѣ концовъ, уступокъ она получитъ, тѣмъ тяжелѣе будутъ для дѣла свободы условія неизбежнаго мира.

Казалось бы, у революціи былъ примѣръ налицо, и ему не трудно было слѣдовать.

Маленькая Финляндія использовала свою революцію сполна. Точно такъ же, какъ и у насъ, первые шаги революціоннаго движенія были у финляндцевъ въ высшей степени удачны. Но разница та, что одержавъ успѣхъ, финляндцы тотчасъ же вступили въ переговоры и тѣмъ не допустили нанести себѣ ни одного

пораженія, а мы, по глупости своей, полѣзли дальше и потеряли то, что получили. Теперь Финляндія имѣть все, что ей нужно, а мы у моря сидимъ и ждемъ погоды.

Союзъ 17 октября съ первыхъ своихъ политическихъ шаговъ ясно учитывалъ существующее положеніе и понималъ всю нелѣпость дальнѣйшей революціи.

Союзъ всегда утверждалъ, что боевою схваткою мирныя условія жизни не создаются, что необходимо считаться со своимъ противникомъ и опредѣленно съ нимъ договориться, стараясь отстоять для дѣла свободы все, что въ данное время можно достигнуть.

За это Союзъ называютъ правительственной партіей.

Да, мы готовы работать съ правительствомъ, но не для поддержанія съ нимъ дружбы, а ради защиты интересовъ народа и государства.

И пусть у правительства побольше будетъ такихъ друзей, тогда дѣло раскрѣпощенія Россіи отъ бюрократическаго строя пойдетъ много скорѣе, чѣмъ при помощи бомбъ и выборгскихъ воззваній.

Мы не знаемъ, что скажетъ наша новая Государственная Дума, но пошлемъ ей напутствіемъ не запаздывающій всегда лозунгъ лѣвыхъ партій о „благоразумномъ учетѣ наличныхъ условій“, а русскую поговорку: „худой миръ лучше доброй ссоры“.

Январь 1907 года.

Рѣчь, сказанная въ Собраніи избирателей Московской части г. С.-Петербурга.

Черезъ полтора мѣсяца вся Россія опять будетъ напряженно прислушиваться къ тому, что скажутъ народные представители въ Государственной Думѣ.

Только политическая неопытность народа во времена созыва первой Думы могла поддерживать въ немъ розовыя надежды на то, что Государственная Дума на первыхъ же порахъ въ состояніи будетъ дать странѣ благополучіе и миръ.

Всякое дѣло мастера боится, а у насъ не видно не только политическихъ мастеровъ, но даже хорошихъ подмастерьевъ.

Происходитъ это не потому, что мы къ парламентскому строю не пригодны, а просто потому, что для такого сложнаго дѣла, какъ законодательство въ странѣ и направленіе всей ея внутренней и внѣшней политики, требуется прежде всего огромнѣйшій государственный опытъ, а этого рода знанія даются не сразу, ихъ наживаютъ понемногу, въ теченіе долгихъ лѣтъ.

Вотъ почему, выступивъ на практическую государственную работу, русская свободная политическая мысль пока могла дать только широкую и разнообразную картину всякаго рода пожеланій. Но какъ

согласовать эти пожеланія, какъ провести ихъ въ жизнь, этотъ вопросъ до сихъ поръ остается открытымъ, такъ какъ все, что предлагало съ этой цѣлью революціонное движеніе, на практикѣ оказалось никуда не годнымъ.

Въ 1905 году революція разрѣшала всѣ вопросы очень просто: причина всѣхъ золъ — правительство, надо его прогнать, созвать учредительное собраніе, установить на немъ новую форму правленія и тогда все пойдетъ прекрасно.

Однако-же, этотъ рецептъ отъ всѣхъ болѣзней не встрѣтилъ къ себѣ особаго довѣрія; онъ не одобрялся не только тѣми, кого хотѣли прогнать, но и значительной частью народа.

Было сомнительно, чтобы изъ практическаго осуществленія разгона властей, могло возникнуть что-либо иное, кромѣ разбоевъ, грабежей, смуты и кровопролитія. Неудавшіеся вооруженныя возстанія и военные бунты показали, что страна вовсе не расположена къ такому опасному леченію, и теперь лѣвыя партіи сами признаютъ, что затѣенное ими вооруженное возстаніе было нелѣпостью.

Такимъ образомъ, опытъ, правда стоившій нѣскольکو тысячъ убитыхъ и раненыхъ, внесъ въ область практической политики лѣвыхъ значительное отрезвленіе.

Къ сожалѣнію, этого печальнаго опыта оказалось мало, чтобы заставить людей болѣе серьезно оглядѣться, взвѣсить свои силы и отдѣлить осуществимое теперь-же отъ непродуманныхъ пожеланій.

Тотъ же натискъ, то же чисто юношеское стремленіе перешагнуть пропасть, не считаясь съ ея шириною, лѣвыя партіи обнаружили и въ первой Государственной Думѣ.

Прогонимъ министровъ, раздѣлимъ между собою ихъ портфели, захватимъ все управленіе страной въ свои руки, насаждаемъ повсюду своихъ людей и все пойдетъ прекрасно. Но опять, ни страна, ни тѣ, кого собрались гнать, этому рецепту не повѣрили.

Позвольте, да чѣмъ же вы и ваши друзья будутъ лучше тѣхъ, кого вы хотите замѣнить; гдѣ гарантія вашей добросовѣстности и опыта. Государственный пирогъ, конечно, заманчивъ, недаромъ господствующие классы такъ крѣпко за него ухватились, но мѣнять кукушку на ястреба не стоитъ. Общество можетъ замѣнить бюрократію только путемъ развитія самоуправленія во всѣхъ концахъ Россіи.

Иного способа приготовить людей, знающихъ государственное и общественное дѣло, не существуетъ. Поэтому ваша задача приготовить условія для дѣйствительнаго упраздненія бюрократіи, а вовсе не въ томъ, чтобы къ тѣмъ же, или еще худшимъ чиновникамъ, приклеить политическіе ярлыки лѣвыхъ партій и отдать имъ всю Россію на прокормленіе.

Теперь поднятый въ Думѣ штурмъ и послѣднюю отчаянную попытку поддержать этотъ штурмъ выборгскимъ воззваніемъ, лѣвыя партіи сами признаютъ „несоотвѣтствовавшими благоразумному учету наличныхъ условій“.

Слава Богу, политическая мысль путемъ такого нагляднаго обученія все же движается у насъ впередъ и мы съ удовольствіемъ прочли въ новогоднемъ номерѣ одной изъ наиболѣе распространенныхъ партійныхъ лѣвыхъ газетъ прямое признаніе того положенія, которое для насъ всегда представлялось очевиднымъ: „штурмомъ бюрократическій режимъ уни-

чтожить нельзя, его можно взять только долговременной осадой“.

При такомъ благоразуміи, пожалуй, лѣвыя партіи скоро и взаправду примутся за настоящую государственную работу, но вѣры въ это очень мало: скромная роль законодателей лѣвыхъ не удовлетворяетъ, все хочется впередъ, все тянетъ къ власти, а здѣсь встрѣчаешь конкуррента и опять начнутся ссоры по каждому поводу, опять пойдетъ вражда, а страна, вмѣсто реформъ, сиди у моря и жди погоды.

Рядъ тактическихъ ошибокъ показали, что лѣвыя партіи слишкомъ увлекаются, не хотятъ считаться съ дѣйствительностью и ставятъ свои эгоистическія стремленія выше насущныхъ и неотложныхъ нуждъ страны.

Россія прежде всего и больше всего страдаетъ отъ своего крайняго невѣжества, отъ неумѣнья работать, отъ неумѣнья правильно жить, цѣнить и распредѣлять время.

Что же въ этомъ направленіи сдѣлали лѣвые?

Въ поискахъ за слѣпо преданными помощниками, они разбили весь ходъ ученія въ высшихъ школахъ.

Вмѣсто здороваго, работающаго, знающаго поколѣнія, теперь въ этихъ школахъ вырабатываются люди съ разстроенной нервной системою и полною неспособностью къ производительному труду.

Для средней школы также ничего не сдѣлано, а о бѣдномъ классѣ — о крестьянахъ и горожанамъ вовсе забыто.

Свобода безъ знанія не бываетъ, а вмѣсто свѣта партійная непримиримость лѣвыхъ второй уже годъ держитъ всю страну въ темнотѣ смуты; не давая народу вздохнуть, не давая ему ни капли полезныхъ

знаній, ни капли умственного и нравственного просвѣщенія.

Политическій опытъ постепенно сгладить и это печальное явленіе. Лѣвые поправѣють и станутъ на ту дорогу практически возможнаго, на которую Союзъ 17 октября указывалъ съ перваго дня своего существованія. Скоро-ли это, однако, будетъ и долго-ли еще родина наша должна страдать въ угоду гг. политикамъ.

Январь 1907 года.

Рѣчь, сказанная въ Собраніи избирателей Московской части г. С.-Петербурга.

Мы наканунѣ выборовъ въ Государственную Думу.

Опять со всѣхъ сторонъ раздаются партійныя общанія, опять будятъ въ странѣ надежды.

На что, собственно, надѣются?

Жить что-ли сразу лучше станетъ, люди будутъ добрѣе?

Все это—мечты!

Развѣ мы не видимъ, въ чемъ горе, развѣ мы не чувствуемъ, что несчастія наши прежде всего и больше всего сидятъ въ насъ самихъ.

Мы жить не умѣемъ, мы бѣдны способностью работать, мыслить, предвидѣть.

Если глядѣть на Россію со стороны, то можно ей только удивляться.

Послѣдніе годы это какое-то одно сплошное недоразумѣніе.

Въ дѣлахъ внѣшнихъ государство шло слѣпо по указкѣ изъ Берлина. Надо было германцамъ отъ насъ избавиться и они толкнули насъ въ Китай.

Правительство наше послушно идетъ, хитритъ, бѣлыми нитками старается прикрыть разыгравшійся аппетитъ на Манчжурію, влѣзаетъ въ нее по уши, тратитъ сотни милліоновъ народныхъ денегъ, обле-

часть этими затратами возможность выгнать насъ вонъ и въ результатѣ мы получаемъ небывалый въ нашей исторіи разгромъ.

Внутри еще хуже.

Благодаря японской войнѣ, мы разволновались, наконецъ, до того, что бросили свой обычный страхъ передъ властями и стали требовать въ серьезъ конституціи.

Судьба на этотъ разъ сжалилась надъ Россіей и такая коренная ломка была обѣщана намъ, почти даромъ, стоимостью нѣсколькихъ дней желѣзнодорожной забастовки.

Но что же дальше вышло?

Казалось, разъ конституція обѣщана, разъ помощь народа въ государственныхъ дѣлахъ признана необходимой, то надо было тотчасъ же, до созыва Думы, привлечь къ разработкѣ основныхъ законовъ лучшія общественныя силы, надо было постараться работать съ ними сообща, такъ какъ только искренняя постановка вопроса о коренныхъ реформахъ могла возбудить довѣріе и успокоить болѣе разумные классы общества.

Но не тутъ-то было.

Какъ противовѣсъ бюрократическому строю обѣщана конституція, а разработка основныхъ законовъ поручена опять-таки исключительно тѣмъ же самымъ бюрократическимъ сферамъ, заслужившимъ общую ненависть и едва не доведшимъ страну до открытой общей революціи.

Такъ поступило правительство.

А что же сдѣлала страна?

Прежде всего, въ ней не оказалось толковыхъ общественныхъ дѣятелей, которые сумѣли бы встать

во главѣ всего политическаго движенія, составить правильный планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, захватить все движеніе въ свои руки. Кругомъ обнаружилась только одна растерянность, совершенно одинаковая и у властей и у общества. Никто не зналъ, что надо дѣлать, что предпринять.

И оказывается, что въ этотъ знаменательный моментъ нашей исторіи единственными вожаками русскаго народа явились люди совершенно отъ него оторванные, люди, исполненные злобы, честолюбія и фантазій. Они рѣшили, что насталь ихъ день, что такая сырая и невѣжественная масса, какъ Россія, въ особенности удобный матеріалъ для революціонныхъ опытовъ, что изъ нея они зажгутъ весь міръ и произведутъ міровой соціальный переворотъ.

И мы видимъ: кучка агитаторовъ становится во главѣ всего движенія, ведетъ его на открытый бой, старается устроить вооруженныя возстанія, военные и морскіе бунты. Тысячи труповъ, бомбы, пожары, кровь, слезы и горе устилаютъ кровавый путь террора.

А страна смотритъ на всѣ эти ужасы съ недоумѣніемъ: зачѣмъ все это дѣлается, съ какою цѣлью? Развѣ та или другая кучка людей можетъ внезапно захватить въ свои руки шестую часть свѣта? Развѣ 140-милліонный народъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, доверитъ свою судьбу какимъ-то неизвѣстнымъ домашнимъ и пріѣзжимъ бунтарямъ?

Вѣдь это же все фантазія, тяжелая, ужасная фантазія. И эти люди называли себя передовыми, и они хотѣли управлять страной.

Сколько самомнѣнія, сколько невѣжества, сколько непониманія того народа, которому они желали благодѣтельствовать.

Кончился этотъ трагикомическій актъ и началось дѣйствіе второе. Полный разладъ между правительствомъ и озлобленнымъ народомъ. Страна правительству не вѣритъ, да оно и понятно: кто же самъ себя врагъ, кто же станетъ самъ себя урѣзывать и ухудшать свое положеніе. Разъ дѣло реформъ осталось въ чисто бюрократическихъ рукахъ,—всякое довѣріе исчезло. Этимъ настроеніемъ страны широко пользуется оппозиціонная интеллигенція. Поддерживая всѣми мѣрами травлю властей и разжигая аппетиты массъ широкими обѣщаніями, оппозиція захватываетъ движеніе въ свои руки и въ подавляющемъ большинствѣ проходитъ въ Думу. Карты здѣсь сразу раскрываются. Вопросъ о реформахъ отходитъ на задній планъ, а впереди всего идетъ вопросъ о власти: кому управлять страной—прежней бюрократіи или въ сущности той же бюрократіи, но подъ командою кадетскихъ главарей.

Вопросъ, конечно, не маловажный и для претендентовъ на казенныя мѣста весьма существенный.

Все пущено въ ходъ для захвата власти: агитація, угрозы, запросы, разжиганіе аграрныхъ волненій и, наконецъ, даже призывъ страны къ открытому сопротивленію властямъ. Но ничего не вышло. А почему?

Да потому, что мирные, но не въ мѣру честолюбивые интеллигенты, столь же мало знали свой народъ, его настроеніе и свойства, какъ и ихъ предшественники, гг. террористы. Опять получилось недоразумѣніе, весьма печальное для страны, ибо нѣтъ ничего дороже на свѣтѣ, какъ время,—потерю его ничѣмъ не вернешь.

Пылъ оппозиціонный теперъ остываетъ, обѣщанія менѣе рѣшительны, надежды не столь заманчивы.

Партія, приведшая уже одинъ разъ страну въ финляндскія болота, опять выступаетъ на первый планъ и теперь она говоритъ о необходимости организовать народъ, о необходимости прежде всего провести земскую реформу.

Да, реформа эта жизненно необходима, но не для того, для чего желаютъ ее кадеты. Имъ земщина нужна, чтобы поддержать борьбу за парламентаризмъ, чтобы отдать Россію на распоряженіе новыхъ ея властителей и ихъ друзей, а мнѣ думается, что земщина нужна для другого, болѣе важнаго дѣла.

Россія идетъ къ упадку потому, что правящіе въ ней классы потеряли свою жизненность. Всѣ они являются разновидностями одного и того-же дряблага растенія—барства, развившагося сначала на крѣпостномъ правѣ, а потомъ на казенномъ и общественномъ пирогѣ. Отличительныя черты этого общественного слоя: физическая развинченность, частью наследственная, частью благопріобрѣтенная,—благодаря отсутствію воспитанія и неправильной жизни, неспособность къ упорному труду, слабый интересъ къ знаніямъ, высокое о себѣ мнѣніе, страшно высокая разцѣнка своего труда, обиліе потребностей, неумѣнье обходиться безъ чужой помощи и, какъ доминирующее явленіе: барство и лѣнь, сонная мысль, сонное дѣло.

Ясно, что такой правящій классъ ни при какомъ режимѣ вывести Россію на дорогу не можетъ. При парламентаризмѣ, или безъ него, все равно, эти господа были и останутся для страны тяжелымъ грузомъ; народъ и теперь отлично сознаетъ, что платить онъ этому классу неизмѣримо больше, чѣмъ стоитъ весь его трудъ. Этотъ пережитокъ крѣпостной

эпохи и довелъ насъ до того состоянія, въ какомъ мы находимся: онъ причина нашего внѣшняго позора, онъ постоянный источникъ нашего внутренняго разоренія.

Только тогда, когда наряду съ этимъ старымъ правящимъ классомъ выростетъ новая интеллигенція, крѣпкая, неприхотливая, трудоспособная, знающая и любящая народъ, только тогда государство стряхнетъ съ себя наступившее разложеніе и быстро начнетъ поправляться.

Кто-же намъ больше всего можетъ дать этой новой интеллигенціи и гдѣ ей закалить и испробовать свои силы?

Новую интеллигенцію дать намъ въ необходимомъ числѣ только мѣстное самоуправленіе, широко поставленное, на основѣ общаго пропорціональнаго избирательнаго права.

Нечего сомнѣваться, что, получивъ самоуправленіе, народъ въ первую-же очередь позаботится о томъ, что больше всего ему нужно.

Народу нуженъ свѣтъ, знаніе; безъ нихъ онъ безсиленъ, какъ ребенокъ.

Народная школа, такая школа, какая нужна народу, выростетъ очень скоро.

Не пожалѣтъ народное самоуправленіе средствъ на то, чтобы лучшіе ученики народныхъ школъ продолжали свое образованіе.

Это образованіе будетъ даваться не въ городахъ и столицахъ, засасывающихъ людей и отрывающихъ ихъ отъ прежняго своего быта, а въ тѣхъ-же деревенскихъ условіяхъ, въ какихъ ученіе шло и въ начальной школѣ.

Не разставаясь съ прежнимъ бытомъ, его свѣчами и скромностью, здоровые деревенскіе люди

получать всѣ тѣ знанія, какія для сельскаго и земскаго обихода необходимы.

И эта интеллигенція будетъ кладъ для народа, она его не разорить, она сумѣетъ съ нимъ жить и будетъ цѣнить, а не презирать свое положеніе.

И изъ этой среды выйдутъ люди, которые пойдутъ дальше и своею конкуренціею заставятъ нынѣшнихъ полубаръ либо присмирѣть и поуменьшить свои аппетиты, либо убраться вонъ. Такъ давайте-же народу скорѣе широкое самоуправленіе, оно ему нужнѣе всего, ибо только оно можетъ разобрать его нужды, воспитать его дѣтей и дать ему въ руки тотъ молотъ, которымъ люди куютъ свое счастье.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (6)

